

АРТЕМ АРТЕМОВ

Ничего не бойся

Фронтовые заметки и рассказы

Артём Артёмов

Ничего не бойся

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70276975

Ничего не бойся. Фронтовые заметки и рассказы. / Артёмов Артём:

Родина; Москва; 2023

ISBN 978-5-00222-135-6

Аннотация

Среди героев книги А. Артемова очень разные люди – от отчаянных мальчишек, прекрасных девчонок и честных офицеров до одиноких стариков и даже до предателей Родины, надевших чужую личину. Такие люди нередко встречаются в нашей обыденной жизни, и, как правило, чаще всего мы проходим мимо, не разглядывая и не разгадывая их. В своих коротких сюжетах автор раскрывает их внутреннюю суть – настоящую, не выдуманную и потому вызывающую живое чувство удивления и сопереживания, словно читаешь о близких, друзьях, соседях...

Вторая часть книги имеет название «Фронтовые заметки», она написана о нынешних боевых действиях на Украине. В них – ужас смерти и подвиг самопожертвования, боль и вера, отчаяние и надежда. На суд читателя предоставляется личное восприятие и взгляд автора, не понаслышке знающего то, о чем пишет. Находясь в самой гуще происходящего, А. Артёмов имеет свой особый взгляд на происходящее и, освещая страшные

события, делится с читателями своими мыслями и ощущениями. Его фронтовые заметки пронизаны правдой и бесстрашием, читая их, приходит понимание: автор возвращает слову «Честь» утраченный, почти забытый смысл. Практически в каждом его рассказе – надежда на лучшее. Если вдруг ты сбился и потерял ощущение, что есть правда и честь, и хочется честного разговора, то прочти эту в книгу, и тебе обязательно станет немного светлее и легче.

Содержание

Целый мир	6
Обычная сказка	13
Я ветеран	69
Озеро	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Артём Артёмов
Ничего не бойся.
Фронтовые
заметки и рассказы

В авторской редакции

Художник Е.В. Пикалова

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Артёмов А., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Целый мир

Старое, дряхлое тело невпопад отвечало на желания, кровать жалостливым скрипом отозвалась на попытки встать. Перекинув одну ногу через её край, затем другую, подождал, когда пройдёт головокружение, нацепил тапочки и, поднатужившись, встал. Шаркая по облупившемуся полу, в незапамятные времена сложенному из жёлтой еловой доски, ставшей шерботой и грязной, подошёл к металлическому буфету. Дверца раньше запиралась маленьким ключиком на замок, но ключ был давно утерян, язычок замка навечно застыл в чуть высунутом положении, так что дверца никогда плотно не закрывалась, оставляя щель. На полках три разноцветные тарелки, с зазубринами сколов и поблекшими узорами, сверху на них – пакет с половинкой батона, две луковичи, сахарница, две чашки, один стакан в подстаканнике – любимый, со следами высохшего чая на доньшке.

Открутив единственный вентиль на кране, налил в стакан ледяной воды, дрожащей рукой поставил на стол, окунул старый пожелтевший кипятыльник и воткнул вилку в розетку. Когда вскипела, бросил щепоть индийского чая, перемешал, подумав, сгрёб ложкой сахарные крошки из пустой коробки и высыпал в заваривающийся чай. С подстаканником в руке подошёл к окну, остановился возле форточки и с наслаждением вдохнул вечерний воздух. В комнате было затхло, пол

никогда не подметался и не мылся, пахло плесенью подвала. Окно, разохшееся, с мутными стеклами, было заклеено по бокам пожелтевшими уже полосками бумаги и не открывалось, так что кислород мог проникнуть в комнату только через маленькую форточку с привязанной к шпингалету верёвкой. Перед окном стоял стул, так, чтобы можно было видеть улицу и железную дорогу неподалёку. Стул стоял не близко к подоконнику, а чуть поодаль, чтобы случайные прохожие или соседи, вешающие на верёвках бельё, не смогли заметить лохматого старика. Чужие взгляды заставляли его нервничать, совершать странные поступки, люди пугали его. Конечно, приходилось ходить в магазин, от этого никуда нельзя было деться. К таким походам он готовился, иногда час или больше, сидел на краешке кровати и, раскачиваясь, смотрел на дверь, собираясь с силами. В магазин ходил не чаще раза в неделю, как правило, в воскресенье утром, когда все отсыплются и покупателей почти нет. Опустив голову, мелко семеня, не по дороге, а кустами шёл в сельпо. Не глядя на продавщицу, покупал чай, сахар, хлеб и лук. Этого хватало. Иногда, когда возле входа нарывался на группу маявших после вчерашнего и утром надеющихся опохмелиться, то разворачивался и повторял попытку только на следующее утро.

Конечно, над ним смеялись, издевались даже, не могли не издеваться. Он это принимал, хотя и не понимал до конца. Он даже чувствовал свою неадекватность, но страх, засевший глубоко внутри, не позволял вести себя иначе. Страх,

глубинный, неоформленный, неподвластный, владел им полностью. Сковывал мысли и движения, лишал воли. Он отступал только в часы одиночества, позволяя разрушенной личности высунуть голову из раковины. Иногда во сне, редко, но очень ярко, его посещали покой и безмятежность. Безумие отступало, мир наполнялся красками, любовью и радостью. Наверное, так бывает в детстве или в раю, думал он, проснувшись.

Он смутно помнил, что не всегда был таким. Были отголоски далёких воспоминаний, шумного города, людей вокруг. Семьи не было, были разные женщины. Была работа. Незаметно всё стало исчезать из его жизни, одно за другим растворялись в пространстве знакомые лица. Потом была больница, потом ещё одна. Закончилось всё в режимном отделении, с диагнозом «реактивный психоз», шприцами и таблетками, подавляющими волю и стирающими реальность, превращающими её в вязкий непроглядный туман. В тумане прошло много времени – год, два, десять, он не знал.

Свою прежнюю квартиру в городе, где жил до больницы, помнил плохо. Когда его выписали, то двое санитаров, в гражданской одежде, привезли его сюда, в неизвестный населённый пункт. Завели в большой, деревянный, двухэтажный барак, в комнату на втором этаже. Здесь не было канализации, туалет был на улице – он ходил в ведро, а ночами выносил его. Здесь не было горячей воды, только ледяная, из крана, расположенного прямо в комнате. Мыться ходили в

общую баню, он же вставал в тазик и поливал себя из кружки холодной водой. Голову мылил прямо под краном. У некоторых были газовые плиты, он это знал, так как видел снаружи прислонённые к стене ящики с баллонами и самодельные трубы от них, уходящие в комнаты, но он обходился кипятильником.

Он максимально ограничил своё общение с миром. Единственной ниточкой, соединяющей его с остальными людьми, была железная дорога, проходящая прямо под окнами, метрах в пятидесяти. Грохот проносящихся поездов врывается в комнату, сотрясая всё в ней. Но он не мешал ему, наоборот, он наслаждался им, впитывая, раскладывая на множество составляющих.

Ничто так не единит с миром и не отдаляет от него, как просвистевший по тысячам дел скорый или прогрохотавший, тяжело навалившийся на полотно товарный. Далёкий гудок и вой набирающей скорость электрички по будням дистанционно передаёт сонливость и раздражение едущих в город на работу, а по выходным отсылает к дачникам, почти наяву передавая запахи укропа и свежескошенной травы.

Поезда́ мало видеть, их необходимо чувствовать. Тяжёлую неторопливость грузового состава, перевозящего нефть или металлические чушки, прошедшие первичную обработку в доменных печах Урала. Нетерпеливость и оживлённо-радостный фон скорого «Москва – Адлер», на котором чёрным пятном выделяется прицепленный последним «сто-

льпинский» вагон. Резким контрастом среди предвкушающих и жаждущих отдыха, моря и приключений является этот тёмный, без окон, вагон, утомлённый этапом и настороженный предстоящей неизвестностью. Те же поезда, следующие в обратном направлении, излучают приятную усталость и лёгкую апатию от переизбытка эмоций.

Железная дорога – это и радость встреч, и грусть расставания. Раньше дальние поезда встречали и провожали с оркестром. Сейчас этот элемент романтики путешествий пропал, но осталось самое главное – предчувствие нового.

Окно для него стало и радио, и телевизором. Сидя на стуле, чуть отодвинувшись вглубь комнаты и поставив перед собой на подоконник стакан чая, он часами мог смотреть на проносящиеся поезда. Положив руки на колени, он надолго застывал в этой позе, и только глаза его жадно впились в проходящие составы, потухая вместе с удаляющимся перестуком и вновь вспыхивая с новым гудком приближающегося дизеля. В этом населённом пункте была маленькая станция, проезжая которую поезда предостерегающе гудели и сбавляли свой темп, и в окнах можно было различить силуэты и иногда лица. Их он не боялся. Наоборот, до боли в глазах вглядывался, стараясь в выхваченном мгновении угадать полноту действия.

Наступила ночь. Время для него странное и тревожное, и спасительное одновременно. Ночью он никогда не мог спать, реагируя на любой резкий звук, который днём и не разли-

чишь за всеобщим будничным шумом, поэтому сидел на своём стуле и разглядывал темноту, изредка разрезаемую лучом прожектора поезда. Но кроме тревоги ночь приносила спасение, в темноте он становился невидим и неосязаем для других. Мысли, найдя спасительный закуток, обжили его, и теперь он был даже уверен, что ночью становится невидимым, и иногда, особенно в тёмную ненастную погоду, он даже выходил погулять. Стороной обходя пятна фонарей, он гулял и наслаждался. Один раз чуть было не заблудился, запутавшись в одинаковых в ночи избах на окраине посёлка, с тех пор далеко от барака не отходил.

Жизнь обычного человека имеет свои начало и конец и заполнена движением, из точки А в точку Б. У него жизнь давно остановилась, её смысл был утерян, всё нынешнее существование обесмыслено. Он ждал смерти, как долгожданного избавления. Но и эта мысль не жгла и не мучила, а вяло перекатывалась в мозгу среди других оформленных и не очень мыслей. Начиная думать об одном, он вскоре терял нить и переключался на вторые или третьи вещи. Память не способна была удерживать увиденное и произошедшее, подавая всё в виде хаотично намешанных отрезков. Но всё чаще и чаще к нему через бурелом мыслей врвалось одно, очень далёкое воспоминание. Он ещё маленький, вечер, на веранде стол, мама и папа. Лиц видно не было, а он боялся вглядываться, опасаясь, что своим вмешательством сотрёт их истинные черты и присвоит чьи-то другие, надуманные. Он вглядывал-

ся в это подаренное памятью мгновение краешком глаза, боясь спугнуть, боясь напугать его, показав свой интерес.

Обычная сказка

Филипп де Пентьевр, одетый в лёгкий плащ и с чёрным саквояжем в руке, вышел из вагона второго класса на станции города Тур. Парижский поезд пыхтел паром и посвистывал чередой коротких гудков, оповещая скорое отправление. Часы на здании вокзала показывали двенадцать часов и столько же минут. Очень хотелось есть. Последний раз он ел вчера вечером, в маленьком кафе напротив дома, где снимал квартиру.

Филиппу было двадцать пять лет, был он из знатного, но давно обедневшего рода. Мать свою он не помнил, она умерла при родах. Отец скончался от туберкулёза, когда ему исполнилось семнадцать. После окончания университета, на обучение в котором ушли почти все средства, оставленные ему в наследство, он, получив юридическое образование, без какой-либо протекции устроился на работу в один парижский банк обычным клерком. Но благодаря усердию и исполнительности уже через два года получил должность агента. В его обязанности входило ведение оборота клиентских документов в кредитном отделе. Иногда приходилось оценивать имущество, которое планировалось оставить в банковском залоге в обмен на ту или иную ссуду. В городок Тур он приехал именно за этим – оценить старинное поместье для определения возможной цифры кредита. Соискатель в своей

заявке указал огромную сумму, и начальник отдела, прочитав предоставленный список недвижимого имущества, лишь покачал головой, но правила есть правила, и он отправил сотрудника в командировку на несколько дней.

Молодой человек огляделся. Его предупредили, что на платформе его будет встречать человек, держащий в руках табличку с его именем. Странно: несколько десятков сошедших с поезда пассажиров и несколько встречающих, но ни у кого в руках не было таблички. Даже простого листа бумаги с наспех написанным именем тоже не было. «Всегда так с этими деревенскими, – подумал Филипп. – Они либо опаздывают, либо вообще забывают о своих обещаниях». Может ещё почта запоздала? Хотя нет, телеграмма о его прибытии была отправлена три дня назад. Вздохнув, Филипп пошёл к выходу, планируя спросить дорогу к поместью «Розе Руж» у служителя вокзала. «Главное, чтобы хватило денег», – озабоченно думал он, командировочная сумма была крайне мала, а полученное неделю назад в украшенном вензелями банка конверте жалование он уже потратил, заплатив за жильё и раздав долги.

Уже спустившись по ступеням на асфальт тротуара, он поискал глазами дежурного жандарма или человека в форме железнодорожника, а вместо этого увидел высокого, полнощёкого юношу в серых брюках, коричневом клетчатом пиджаке и кепке. Человек скользнул взглядом по Филиппу и вновь уставился на дверь выхода из вокзала – в руках у него

была аккуратная фанерная табличка с выполненной углём надписью, означающей его имя.

– Здравствуйте, – поздоровался Филипп подходя. – Почему вы стоите здесь?

– А где мне надо стоять? – спросил человек, не отводя взгляда от вокзальной двери.

– На платформе. Я вас там искал и потерял пятнадцать минут.

– А! Так это вы... – Он замешкался, потом повернул плакат к себе и прочёл. – Филипп де Пентьевр?

– Я! Неужели вы думаете, что будь им не я, то подошёл бы к вам?

Парень задумался, почесал затылок, чуть сдвинув кепку.

– Простите, месье, я не очень вас понял... Вы – Филипп де Пен... – Он опять собрался перевернуть табличку, чтобы прочитать имя.

– Да, да! Это я! – Филипп догадался, что конструкцию фраз надо упрощать до предела.

– Очень приятно! – расплылся в улыбке парень. – А я Даниель-Мари Перро, водитель.

– Хорошо, пойдёмте. Где ваша машина?

– Вот она! – Даниель-Мари с гордостью показал на покрытый пылью и брызгами грязи старенький автомобиль марки «рено». – Пойдёмте, месье!

Они почти дошли до автомобиля, как вдруг водитель остановился.

– Вам надо было спуститься по десяти ступеням, а мне по десяти ступеням подняться, – вдруг сказал он.

– Простите? – Филипп замер, удивлённо посмотрев на парня.

– Вы спросили, почему я ждал вас не на перроне, а на улице перед входом, – пояснил Даниель-Мари. – Ведь чтобы встречать вас на перроне, мне надо было подняться по лестнице, войти в двери, а вам – то же самое, но наоборот. Спускаться легче, и мимо меня вы никак бы не прошли.

Филипп задумчиво изучал лицо водителя.

– Да, это логично, – наконец ответил он.

– Конечно, месье! – просиял парень. – Мы, Перро, всегда славились смекалкой!

Всю дорогу водитель что-то рассказывал. О своих мамаше и папаше, которые не пожалели денег и выучили его шофёрскому мастерству, о неплохом урожае прошлого года, о свежем вине, которое подают в сельском трактире и которое обязательно надо попробовать, и ещё много о чём. Филипп почти не слушал его, оглядывая в боковое окно окрестности. Дорога петляла вдоль реки с красивым названием Луара. Река то приближалась к дороге вплотную, то скрывалась за небольшими холмами и перелесками, выдавая себя бирюзовыми блёстками, видными в просветы между деревьями. А справа тянулись уже засеянные поля и редкие виноградники. Погода стояла замечательная – май в этом году выдался особенно солнечным и тёплым.

– Чем занимаются месье и мадам Легран? – Филипп прервал монолог Даниеля-Мари.

– Они владеют поместьем «Розе Руж», – с готовностью ответил тот.

– Ну, это понятно. Какую деятельность они ведут?

– Не понял вас, месье?

– Они сообщали, что у них обширные сельскохозяйственные угодья.

– Очень обширные! Много полей! – радостно сообщил Даниель-Мари.

– Меня интересует, что они на них сажают?

– А, вы об этом! Ничего не сажают!

– Но, в таком случае, их кормят виноградники? Они указали, что ими занято до трети всех полей.

– Нет, что вы! Виноградники уже старые, они не приносят урожай. Лоза старая, уже одичавшая, а местами совсем засохшая.

– На что же они живут? – удивился Филипп.

– Месье, мне этого знать совсем не положено, – нахмурился водитель.

– Простите! Просто это немножко странно...

– Странно? – засмеялся водитель. – Да, это слово им подходит. У них всё странно. Но ведь это же не преступление. Я полагаю, что если вы не делаете ничего плохого, то вам не возбраняется быть странным. Меня вот тоже некоторые считают странным. Согласитесь, какая ерунда!

– Да, да, конечно! – согласился Филипп.

– Если задуматься, то в мире много всего странного, – продолжал размышлять парень. – Мы едем на автомобиле, который до сих пор многие старики из наших мест считают странной штукой. Вы сегодня утром были в Париже, а сейчас мы вместе проезжаем мимо замка на берегу Луары. Совсем недавно это было бы невозможно, а сейчас, в тысяча девятьсот сороковом году, нет ничего проще.

– Замка? – закрутил головой Филипп. – Но позвольте, я решительно не вижу никакого замка.

– Вон там, слева, на холме, среди деревьев. Его почти не видно, так как он давно уже развалился, но часть стены и южную башню можно разглядеть над листьями. Видите?

Действительно, среди вековых лип и вязов можно было разглядеть шпиль башни и зубцы стен.

– Ему, наверное, много лет?

– Да уж больше, чем мне и вам! – захохотал Даниель-Мари, но, спохватившись неуместности смеха, пояснил уже серьёзно: – Он был построен в тысяча четыреста... Забыл... Месье Легран мне говорил... В общем, давно. Во времена революции он уже стоял пустым, ну а сейчас и совсем развалился. Но мы уже почти приехали!

Чуть впереди и справа Филипп увидел поместье. Главный дом, ещё один для слуг и конюшня были обнесены низким, покрытым мхом, сложенным из круглых камней забором. Вокруг были заросшие травой и кустарником поля.

Покачиваясь на ухабах, машина въехала в распахнутые ещё в незапамятные времена кованые ворота. Их низ врос в землю, одна из створок покосилась и держалась только на нижней петле. Двор был неухожен, без какого-либо порядка росло несколько лип и старый, толстый у основания дуб. Возле дуба был древний колодец, сложенный из камня и сверху накрытый чёрным от времени деревянным щитом, на котором стояло ведро, привязанное к дереву длинной верёвкой. Конюшня имела вид запустелый, маленькие оконные проёмы вдоль стены были пусты, старинные металлические петли на входе одиноко торчали из стен, ворота, видимо, давно сгнили. Маленький одноэтажный флигель был жилой, окна были застеклены, и на двух висели занавески. Главный дом стоял чуть в глубине двора, большой и мрачный. Крыша была покрыта почерневшей от пролитых дождей черепицей, почти все окна второго этажа оказались закрыты серыми деревянными ставнями, только три окна были открыты. Окна первого этажа сквозь пыльные стекла смотрели на мир внутренней чернотой. Часть фасада и вся западная сторона поросли диким плющом.

– Пойдёмте, – пригласил Даниель-Мари Филиппа, беря его саквояж из багажника. – Вас ждут.

Они поднялись на высокое каменное крыльцо, водитель позвонил в колокольчик, висящий возле двери, открыл дверь и протянул саквояж клерку.

– Входите, – жестом показал он в темноту проёма. – К вам

выйдут. А мне туда нельзя – такие правила. Если захотите поговорить с умным человеком, заходите! Я живу во флигеле.

Забрав вещи, Филипп вошёл в дом, дверь за ним закрылась. Он оказался в тёмном холле. Из маленького круглого окошка над дверью в помещение попадало немного света, в котором ему удалось разглядеть стул у стены. Внутри дома было не слышно ни звука. Пауза затягивалась. Тогда Филипп, раздражённый отсутствием гостеприимности, решил пойти поискать жильцов.

– Эй, есть кто-нибудь? – крикнул он, открыв дверь из холла.

Ответом ему была тишина. Вдруг где-то далеко послышался шорох, потом заскрипели половицы и кто-то кашлянул. Шаги приближались, наконец вдали коридора появились пляшущие отблески пламени свечи. Они становились ярче, и вскоре из-за угла вышла женщина лет пятидесяти, держащая в одной руке огарок свечи, а в другой кувшин. Одета она была в коричневое платье с белым передником, на голове был повязан чепчик.

– Великодушно просим нас извинить, – сказала она. – Мы с мужем убирались в подвале и не слышали, как вы пришли. Я говорю ему: «Колокольчик звенит», а он мне: «Ничего подобного». Я ему говорю: «Кричит кто-то», а он мне: «Мыши пищат». Но я всё равно проверить решила. И вот, вы тут!

– Меня зовут Филипп де Пентьевр, я служу в банке...

– Знаем, знаем! – Женщина не дала ему договорить. – Мы вас с самого утра ждали. Прошу вас, месье, проходите за мной.

Она прошла мимо и направилась в правое крыло; проходя мимо одной из дверей, остановилась, задумавшись.

– Вы, наверное, устали с дороги?

– Немного... Мне бы умыться да положить куда-нибудь вещи.

Женщина, ещё немного поразмыслив, открыла дверь и вошла в большую комнату, посередине которой стоял большой стол, по бокам которого были деревянные стулья, а во главе – большое кресло с прямой спинкой, больше похожее на трон. За тронем находился огромный камин, облицованный потемневшим от времени мрамором. На стенах висели портреты, но в полумраке помещения из-за плотно занавешенных окон разглядеть лица на них не представлялось возможным.

– Это столовая, проходите, присаживайтесь. Подождите моего мужа, я сейчас его позову.

С этими словами женщина, поставив на стол кувшин, вышла, унеся с собой свечу. Филипп нерешительно прошёлся по комнате, подошёл к столу и отодвинул стул. Вначале хотел сесть сам, но вовремя провёл по спинке пальцем – он стал чёрным. Тогда он, нагнувшись, подул, с сиденья поднялось целое облако пыли. Чихнув, Филипп поставил на стул саквояж. Минут десять он, заложив руки за спину, прохаживал-

ся вдоль стен, пытаясь рассмотреть творения древних живописцев, а в том, что этим полотнам несколько сот лет, у него, немного разбирающегося в живописи, сомнений не возникало. Наконец, в коридоре послышались голоса, и в столовую зашёл мужчина в старомодном, полинялом сюртуке и знакомая уже женщина.

– Здравствуйте, месье де Пентьевр! – Мужчина поклонился. – Меня зовут Бернар Легран, а это моя супруга Изабель. Приносим свои извинения, что вам пришлось подождать, но сейчас Изабель проводит вас в вашу комнату, там можно умыться и привести себя в порядок, а потом мы будем ждать вас здесь. Будем обедать.

Комната, отведённая Филиппу, располагалась на втором этаже, и судя по всему, именно на её окнах и были открыты ставни. Посередине стояла большая кровать с тремя пирамидой положенными подушками. У противоположной стены стоял столик, на котором расположились медный таз и кувшин.

– У нас всё по старинке, – извинилась хозяйка. – Водопровода нет. Электричество тоже не провели. Нам с мужем много не надо, но вы можете испытать определённое неудобство. Таз для умывания на столе, ночная ваза рядом с кроватью.

– Ночная ваза? – не поверил своим ушам Филипп.

– Ну, конечно! Не хотите же вы во двор бегать! Приводите себя в порядок и приходите в столовую. Минут через пятнадцать я накрою на стол. Любите луковый суп?

– Люблю, – кивнул Филипп.

– Ну, вот и хорошо! – обрадовалась она.

Минут через двадцать, умывшись из тазика и причесавшись, постояв в задумчивости перед ночной вазой, Филипп спустился в столовую. Шторы были раздвинуты, и она приобрела более уютный вид, чем когда он увидел её первый раз. Стены были обиты синими шёлковыми обоями, правда, уже заметно полинялыми и местами со следами потёков. Потолок из тёмного дерева был разделён на квадраты большими поперечными балками, украшенными резьбой.

В столовой уже сидел на диване месье Бернар. При виде банковского служащего он встал.

– Прошу вас, месье... – Он показал на накрытый скатертью стол, на дальнем от трона краю которого было поставлено три прибора и большая серебряная супница посередине.

Место Филиппа располагалось таким образом, что окна оказывались за спиной, а на стене перед глазами висели портреты. На одном, который посередине, была изображена совсем юная девушка, с прямым носом, тонкими губами и сложной причёской на голове, в изящно изогнутой руке она держала красную розу. Слева от неё был портрет дамы лет двадцати-тридцати – точнее не скажешь. А справа – небрежно облокотившегося рукой о спинку трона, очень похожего на тот, который сейчас стоял в столовой, властного старика в горностаевой накидке и короне. Все изображённые персоны вид имели неестественный, отдалённо напоминающий

живых людей, что, впрочем, характерно для древней живописи. «Кажется, век семнадцатый», – подумал Филипп. Он с любопытством посмотрел на трон во главе стола, а потом с опаской перевёл взгляд на стул, памятуя об облаке пыли.

– Смело садитесь, я протёр, – угадал его мысли хозяин дома.

Вошла Изабель. Она переделалась, теперь на ней вместо бесформенного балахона и чепчика, в которых она появилась первый раз, было тёмно-синее платье из бархата. «Такие вышли из моды лет пятьдесят тому назад», – подумал Филипп. В руках она несла поднос с графином вина.

– Вы проголодались с дороги! Я вас сейчас накормлю! – заворковала она. – Накормить путника – главнейшее из обязанностей хозяев. Так учит нас мудрость...

– Я действительно голоден, – сообщил Филипп, расправляя на коленях салфетку.

– Сейчас так принято? – поинтересовалась мадам Изабель, взглядом указывая на салфетку. – Вот раньше салфетку заправляли за воротник...

– Ну что ты ворчишь? – встрял в разговор Бернар. – Жизнь меняется, а с ней меняются традиции. Вспомни, как ты удивлялась, когда первый раз услышала о том, что теперь не зазорно сидеть за одним столом людям знатным и простолюдинам.

Изабель покраснела.

– Да ну! Когда это было!.. А вспомни себя, когда ты впер-

вые услышал о паровозе!

Месье Бернар улыбнулся.

– Простите... – Филипп счёл возможным вмешаться в этот странный разговор. – Вы, наверное, давно ведёте затворнический образ жизни, но железную дорогу мимо вашего городка пустили ещё в начале века, надо думать... И у нас даже правительство почти полностью состоит из, как вы выражаетесь, простолюдинов. Титулы потеряли своё значение, теперь важным является не факт рождения, а навыки, знания.

– М-да? – недоверчиво протянул Бернар, перестав улыбаться. – Возможно, возможно. Однако в вашем имени есть приставка *де*, и вы от неё, как я понимаю, не отказываетесь.

– Совершенно верно. Однако это дань традиции, не более.

– Какие времена настали... Не приведи Господь... – пробормотала Изабель, опустив взгляд.

Некоторое время Филипп и Бернар ели молча. Мадам Изабель сидела с пустыми приборами и с готовностью разливала в бокалы вино, подливала в тарелки добавки.

– Скажите, – возобновил беседу месье Бернар. – Мне кажется, что я слышал вашу фамилию. Ваши предки не были представлены у короля?

– У короля? Вот уж не знаю. Семейная легенда говорит, что один из моих предков жил в Версале. Леопольд, кажется, его звали. Возможно, это всего лишь выдумка, всем же хочется иметь в своих предках людей выдающихся, а не каких-то обезьян, как нам утверждает господин Дарвин.

– Кто утверждает? – переспросила хозяйка.

– Это такой учёный. Уже умер. Давно.

– А... Сколько их уже умерло... – почесал затылок Бернар. – И что ваш Леопольд?

– Собственно ничего... – развёл руками Филипп. – Был и был. Может быть, действительно при дворе кем-то состоял. Но это же сейчас уже неважно.

– Разве? А что тогда важно?

– Важно то, что здесь и сейчас.

– Мне кажется, вы заблуждаетесь. Прошлое живёт в нас. Как сказал один умный человек, он тоже умер, как и ваш Дарвин, мы сами часть прошлого. Без него мы – не мы. Отнимите у человека память, и он превратится в растение.

– Ну, конечно, Леопольд! – вдруг воскликнула Изабель. – Я вспомнила! Эдакий был франт, подавал камзол королю при утреннем одевании, имел успех у женщин и прекрасно танцевал менуэты!

– Всё-то ты путаешь, – повернулся к ней хозяин дома. – Ничего он не подавал. Присутствовал на церемонии – да. Иногда даже подсвечник держал, когда король соизволял его поощрить. Двухрожковый, все остальные, кроме короля, могли пользоваться только однорожковыми. Какая блестящая выдумка, вы не находите?!

Последнее он сообщил Филиппу доверительно.

– К-какому королю? – Филипп испугался – перспектива оказаться в одном мрачном доме с двумя сумасшедшими не

радовала его.

– Вот этому! – Бернар обернулся и указал рукой на портрет за спиной. – Солнцу. Королю-солнцу, Людовику XIV Бурбону. Но вы не волнуйтесь – мы не сумасшедшие. Просто Изабелла увлекается всякими историческими брошюрами. Королевские церемониалы – её страсть.

– Вы читали про моего предка? – перевел на неё взгляд с картины Филипп.

– Вскользь, – смутилась та.

– Что нам осталось о тех временах? Так, пара строчек... – Бернар отодвинул пустую тарелку.

– Вы мне покажете потом эту книжицу?

– Всенепременно, – успокоил его месье.

Мадам подала на стол второе блюдо – овощное рагу с мясом кролика.

– Прошу вас, отведайте; это по старинному рецепту, сейчас так никто не готовит.

Рагу действительно было отменным. Никаких посторонних запахов, так присущих этому мясу, немного чувствовался розмарин, угадывались нотки чеснока. Было очень вкусно. В уличном кафе, где Филипп любил ужинать, ничего подобного не готовили.

– Тем не менее в иерархической системе званий и сословий, безусловно, есть смысл, – вернулся к прерванному разговору месье Легран. – Человечество развивается, и на смену Патриархов пришли Судии, потом цари. Такова воля Божия!

– Человечество всегда прикрывалось волей Всевышнего, даже когда творило чёрные дела, – возразил Филипп. – И мне кажется, что любое деление людей, в том числе по сословному признаку, – это первый шаг к рабовладельческому строю.

– Вы так действительно думаете? Но общество не может не делиться на слои, классы и прочие ступени и ранги. Убрали дворян и королей, и что мы имеем? То же деление, но по другим признакам: бедный – богатый, наделённый властью – не наделённый. Даже возьмём пример: возьмите разных людей из разных слоёв и поселите в замкнутое пространство, в тюрьму, например. Каждому по миске чечевичной похлебки и одинаковую робу и единые права и обязанности. И что же? Они станут однородной массой? Ничуть не бывало! Появятся главари, их подхалимы, труженики и ловкачи, умеющие всё достать и продать. Равенство не заложено в человеке.

– Это отголоски прежней жизни. Нельзя вот так сразу измениться. Тем более эти изменения должны охватить всех.

– Никак не могу с вами согласиться. В старые добрые времена был король, были вельможи, купцы и простолюдины, и все знали своё место, и всем было всё понятно. Жизнь была простой. Конечно, кому-то жилось легче, кому-то хуже, но Господь для каждого выбрал место, на котором у человека есть шанс спастись и попасть в царствие небесное.

– Вы упрощаете. Как же тогда вы объясните жуткие порядки в новых колониях? Почему одни люди имели наглость присвоить себе право считать других людей тварями низши-

ми и не признавать их творением Божиим?! Тысячи галер перевозили рабов из Африки в Новый свет, не признавая их за людей, часто ведя подсчёты в «живом весе», а не по головам.

– Это ужасно! Согласен с вами. Но приведённые вами примеры свойственны плохим людям вообще, а не только знатным по происхождению. Вы же не будете спорить, что самые отъявленные работорговцы имели происхождение простолюдинов. Посмотрите на Германию сейчас, там нет императора, нет правящего дворянского сословия. Но и без этого они успешно считают себя высшей расой, гонясь с дубинками и револьверами за евреями и цыганами. Так что, извините меня, но рабство не зависит от того, кто во главе государства стоит, дворяне или буржуазия. Это от глупостей и мерзостей в голове. Я так считаю...

Мадам Легран, вздохнув, поднялась со своего места и разлила мужчинам вина из глиняного кувшина.

– Только не заводись, – сказала она мужу.

И, повернувшись к гостю, добавила:

– Он всегда переживает, когда видит, что где-то творится несправедливость. Сам не свой становится... Пейте вино! – остановила она Бернара, собирающегося возразить ей.

Вино было терпким, но вкусным, и неплохо дополняло рагу.

– Благодарю! – сказал Филипп, откинувшись на спинку стула, когда с обедом было покончено. – Вы прекрасно готовите!

– Ну что вы, право, – засмушалась довольная хозяйка.

– Теперь, наверное, можно приступить к делам? Я завтра вечерним поездом намереваюсь вернуться в Париж.

– Как завтра? – всплеснула руками Изабель.

– А как бы вы хотели?

– Мы бы хотели... – начала мадам, но Бернар её перебил:

– Хорошо, хорошо! Пусть будет завтра. Что вам от нас нужно?

– Мне нужно составить исчерпывающий список ваших владений.

– Но мы же его предоставили в банк?

– Банку надо удостовериться. Возможно, вы были где-то неточны или что-то запамятовали указать.

– Я – и запамятовал? – Бернар повернулся к супруге. – Нет, ты слышишь?

– Ну, а что? Ты всё время чего-нибудь забываешь. Вчера свечи в подвале забыл задуть...

Не получивший поддержки Бернар махнул рукой.

– Хорошо! Удостоверяйтесь. Что вам требуется для этого?

– Во-первых, купчие. Подтверждение на собственность.

Во-вторых, увидеть всё своими глазами.

– Ну что же, нет ничего проще! После обеда прошу в мой кабинет, я предоставлю вам бумаги. А прогуляться по окрестностям будет удобно завтра, так как скоро начнёт темнеть.

Кабинет был мрачным. Стены и потолок из потемневшего

дерева, давно не мытые окна пропускали рассеянный свет. Почти посередине стоял большой письменный стол, за которым был давно не топленный камин, облицованный гранитом.

– Садитесь за стол, – предложил месье Легран. – Так вам будет удобнее ознакамливаться с бумагами.

После этого он подошёл к одной из панелей стены, что-то там повернул, открылась потайная дверца. Бернар просунул туда руки и извлёк металлическую шкатулку. С глухим стуком он поставил её на стол.

– Здесь всё! Извольте видеть.

С этими словами месье Легран распахнул шкатулку и извлёк из неё десятков свитков. Именно свитков, перевязанных бечевой, и с сургучными печатями.

– Ч-что это? – оторопел Филипп.

– Как что? Это бумаги, подтверждающие вещные права.

Филипп развернул один свиток, постарался разобрать старинную грамоту, но безуспешно. Прописные слова выполнены были в каллиграфической манере, с завитушками, а подпись на документе стояла размашистая.

– Я не могу прочитать, что здесь написано...

– Ну что же вы... Всё очень просто. – Бернар аккуратно взял у него документ. – Вот, «Мы, Король-Солнце, король Франции, Герцог» ... не важно... опять не важно... Ага! Нет, снова не то... Вот! «Желаем даровать герцогине Софии де'Скорат де'Руссиль замок и земли вдоль правого берега ре-

ки Луары, в предместье города Тур, с селениями Ланже и Кюэймино, а также право владения на триста пятьдесят душ крестьян тут же проживающих» ... И подпись Его Величества!

Бернар положил свиток обратно в шкатулку.

– Пожалуйста! Всё очень доходчиво написано.

Филипп растерянно смотрел на него. Бернар взял следующий свиток, раскрыл его, пробежался взглядом и бросил его в шкатулку.

– Тут перечисляется ежегодная рента... Неплохая, доложу я вам, была рента, утверждённая лично королем! Ну да где сейчас эти короли... Последние сухари доедаем. А вот тут интересно. – Месье вертел в руках очередной документ. – Назначить управляющим Бернара Легран...

Филипп испуганно откинулся на спинку кресла.

– Да вы не волнуйтесь, – успокоил его хозяин. – Это мой предок. Такая традиция завелась, что мы все Бернары.

– А если девочка?

– Что? А!.. Девочек ещё не было...

– Но позвольте... – Филипп взял себя в руки. – Это, конечно, очень, э... интересные документы, и, я думаю, в каком-нибудь музее они будут востребованы, но... В 1810 году издали кодекс Наполеона, а это совсем иное вещное право! Феодалы были упразднены! И вы, да и ваш отец, и дед, и прадед, вступая в наследство, должны были произвести перерегистрацию прав! Покажите мне эти документы!

– Наполеона?.. – переспросил Бернар. – Да, да, слышал, конечно! Это такой выскочка, назвавшийся императором!

Он отошёл к окну, заложив руки за спиной.

– У нас, к сожалению или к счастью, только такие документы. Нам этого вполне хватало, чтобы нас никто не трогал, ну а мы и подавно никого не трогаем.

– И вы хотите на основании закорючки этого Людовика...

– Не этого! А Людовика Великого! Короля-Солнце! – напыщенно перебил Филиппа Бернар.

– Хорошо. Этого короля-солнце! Чтобы на основании его закорючки на рассыпающихся от времени свитках наш банк предоставил вам кредит?

– Конечно! – проникновенно заговорил Бернар, обернувшись. – Нам обязательно нужен этот кредит! Вы даже не представляете насколько! Грядёт страшное! Надо всем уезжать. Но даже без этого – их же чем-то надо кормить!..

– Успокойтесь, любезный Бернар. Давайте по порядку. Кого кормить? И что грядёт?

Филипп, наконец, понял, что перед ним настоящие сумасшедшие, и он решил разговаривать с ними спокойно, чтобы ненароком не спровоцировать на припадок или, того хуже, на буйство.

– Я чувствую, уважаемый де Пентьевр, что в ближайшие дни произойдёт что-то ужасное... Можете мне верить, я в этом не ошибаюсь. А у нас кончились все сбережения, заканчиваются продукты. Нам, может, вообще придётся куда-ни-

будь переехать!.. Нам нужен этот кредит. И мы на вас очень рассчитываем.

– Это, конечно, нелегко, но я предприму всё от меня возможное, – тщательно подбирая слова, ответил Филипп. – Я бы хотел связаться с банком в ближайшее время. Скажите, где поблизости есть телефон?

– Телефон?.. – Бернар удивился.

– Телефон. Это такая чёрная штука с трубкой, куда говорят и слышат собеседника.

– Может быть, в деревне? – предположил Бернар. – По крайней мере, телеграф у них есть точно.

– Далеко ли туда идти?

В голове у Филиппа созрел план: незаметно собрать вещи и, под видом необходимости позвонить в банк, скрыться из этих мест.

– Всего два лье.

– Лье? – удивился Филипп. – Но, простите, это сколько? Я привык к измерениям в метрах и километрах, в них отсчитывают расстояние лет двести, не меньше.

– Смотря какое лье вас интересует. Морское или почтовое? Но я, само собой, имел в виду сухопутное, а оно, как известно, равняется примерно четырём с половиной километрам, – Бернар убрал бумаги обратно в шкатулку. – Сегодня уже поздно. Я провожу вас завтра, заодно можно посмотреть владения.

«Пусть провожает, – подумал Филипп. – Главное – ока-

заться в людном месте».

– Конечно, месье. Завтра так завтра, – сказал он вслух.

– А сейчас пора отдыхать. Мы, знаете ли, ложимся рано, но и встаём тоже вместе с солнышком, – сказал Бернар и захихикал над чем-то своим.

В комнате, куда его проводил хозяин дома, в серебряном подсвечнике горела свеча, а рядом, на столе, – блюдо с нарезанным вяленым мясом и бокал вина.

– Спокойной ночи, месье, – пожелал Бернар, закрывая за собой дверь.

Наконец-то он остался один! От всего случившегося с ним за день кружилась голова.

– Угораздило же так вляпаться, – пробормотал Филипп.

Он попробовал мясо, оказалось вкусно. Вино тоже было неплохим, жаль, что только один бокал. За окном светила полная луна. Она тусклыми лучиками отражалась от свежей листвы, которую еле заметно перебирал своими пальцами тёплый ветерок. Спать совершенно не хотелось. Взяв подсвечник, стараясь аккуратно ступать на старый паркет, чтобы он не заскрипел и не потревожил покой хозяев, Филипп вышел на улицу. Пели соловьи, и чуть слышно шелестела листва. В Париже, в этих каменных джунглях, не бывает таких ночей. Разве что в Булонском лесу, но и туда доносятся звуки большого города.

– Воздух-то какой, месье! Не то что в вашем городе!

От неожиданности Филипп вздрогнул. Из темноты, попы-

живая сигаретой, шагнул вперёд Даниель-Мари.

– Вы меня напугали! – признался Филипп.

– Простите, месье. Я выхожу вечером выкурить папиросу перед сном.

– Послушайте, а как давно вы работаете на месье и мадам Легран?

– Очень давно. Года четыре. – Даниель-Мари задумался. – Или три...

– И вы не замечали за ними, э-э... – Филипп запнулся, подбирая мягкие слова.

– Странностей, вы хотели сказать?

– Да, странностей.

– Я уже говорил вам, когда мы ехали, что они более чем странны.

– Но я тогда не придавал этому значение. Я думал, вы имеете в виду некие особенности, присущие любым старым людям.

– О, нет! Они действительно странные. Но безобидные.

– Это, конечно, радует, – вяло усмехнулся Филипп.

– Ещё бы! Вот было бы неприятно, будь месье Легран Си-ней Бородой, а мадам мачехой Золушки! – Шофёр рассмеялся. – Вы только представьте себе этих персонажей, с их характерами и повадками! Ох, несладко бы мне пришлось! Да и вам...

– Безусловно, это было бы неприятно... – пробормотал Филипп, с ужасом понимая, что разговаривает с ещё одним сумасшедшим.

– Не волнуйтесь, месье! Это хорошие люди! Мой папаша был о них хорошего мнения.

– Он что тоже здесь работал?

– Естественно, до меня.

– У вас это семейная преемственность?

– Более чем! Вначале пра-пра-пра-пра-пра-пра-прадед, потом пра-пра-пра-пра-прадед, потом пра-пра-пра-прадед, потом...

– Достаточно! Я понял. И кем же они здесь работали?

– Прислуживали, смотрели за порядком, кормили лошадей.

– И что, это поместье всегда принадлежало Легранам?

– Конечно! А как же ещё?..

– Ну, может, они у кого-то перекупили его или стали владеть им по наследству...

– Нет. Они всегда им владели. Это уж точно! Поверьте мне.

– Сейчас это редкость. Многие роды пресеклись, во многих разразились склоки из-за наследства. У предков нынешних Легранов должны же быть и другие наследники, неужели никто не позарился на эти земли?

– Насколько мне известно, нет никаких наследников. Месье и мадам ведут уединённый образ жизни.

– Странно...

– Ещё бы! И мой отец, и мой дед, которого я застал ещё в добром здравии, они оба именно так и отзывались о месье

и мадам. Но, – Даниель-Мари поднял указательный палец, – при этом они всегда добавляли, что люди они хорошие!

– Сколько же им лет? И есть ли у них дети?

– Детей нет. Это точно. А лет сколько, не скажу. Дед пришёл сюда служить совсем молодым, он сменил здесь своего отца, и месье Бернар, и мадам Изабель уже были весьма солидного возраста. Мой отец свидетельствовал о том же. Ну, и я застал их такими же...

– Бред какой-то... – пробормотал Филипп.

– Вы находите? А по мне, так вполне может быть.

– Что входит в ваши обязанности?

– Раз в неделю месье Бернар даёт мне несколько золотых монет, я еду в Тур, меняю их у одного коллекционера на франки и покупаю еду. Вот и всё. Непыльная работёнка, вы не находите? – Даниель-Мари рассмеялся.

Утром, проснувшись и умывшись, Филипп спустился на завтрак в столовую. Уже подходя к двери, он услышал оживлённую беседу. Кроме последних двух фраз ничего разобрать не удалось.

– ...надо непременно сегодня рассказать всё этому юноше! – взволнованно говорила хозяйка.

– Не торопи меня! – Бернар был раздражён. – Я сам решу, когда ему рассказать. Я не уверен, что он правильно нас поймёт.

– Доброе утро! – поздоровался Филипп, входя в комнату.

– Доброе утро! – заставил себя улыбнуться Бернар. – Как вам спалось?

– Совсем неплохо! Ваш превосходный воздух усыпляет, как снотворное.

Они завтракали молча. Хозяйка положила обоим в тарелки омлет и налила из медного кофейника ароматный кофе.

– Вы хотели прогуляться до ближайшей деревни, – вставая, сказал Бернар.

– Я готов, месье!

И Филипп, промокнув губы салфеткой, последовал за хозяином.

Даниель-Мари уже прогрел мотор автомобиля. Увидев хозяина и агента, он отворил две задние дверцы, а сам достал из ящика для перчаток своё кепи и сел за руль.

– Справа вы можете видеть наши поля. Они тянутся вон до того перелеска. – Бернар указал на еле видную вдали полосу леса. – А слева виноградники. Очень древние! В средние века они принадлежали церкви. Это чудесный сорт – Шардоне! Вообще, здесь в Долине Луары всегда выращивали изумительные сорта винограда и изготавливали удивительные по вкусу и качеству вина: Шенин Блан, Мускат, Каберне Фран, Гренаш, Анжуйская Роза!..

– Простите, – перебил Бернара Филипп, рассматривая заброшенные уголья. – Я несколько не сомневаюсь в удивительных свойствах местных сортов винограда, и уж тем более произведённого из них вина, но уж больно неживыми

выглядят эти виноградники...

– Что вы хотите сказать? – помрачнел Бернар.

– Только то, что тот виноград, на который показываете вы, выглядит засохшим.

– Да, вы правы... – Бернар погрустнел. – Это мучнистая роса погубила их. Но я слышал, от этого недуга научились избавляться!

– Остальная лоза в таком же состоянии? – поинтересовался Филипп.

– Да... – буркнул Бернар и отвернулся, угрюмо рассматривая пробегающие мимо виды.

– Останови, мы пройдемся, – велел он через десять минут шоферу.

– Здесь недалеко, предлагаю прогуляться, а автомобиль будет ждать нас здесь, – обратился он к Филиппу.

Тот не возражал.

Они шли молча. Погода была тихой и солнечной, безоблачное небо сулило тёплое лето.

– Всё это обманчиво! – прервал молчание месье Легран.

– Простите? – не понял Филипп.

– Вы, наверное, идёте и думаете, что погода замечательная и что мы с мадам давно сошли с ума!

– Ну что вы, – смутился Филипп. – Про вас я ничего такого не думал...

– Думали, думали. И я бы тоже подумал, будь на вашем месте. Мы действительно странные, видимо. Но не настоль-

ко, чтобы считаться сумасшедшими, поверьте! Мы ведём уединённый образ жизни, и это накладывает свой отпечаток. Многое из современных достижений нам не доступно, о многом мы и не слышали даже. Но нам оно и не нужно. Мы привыкли так жить. Тем более, и лет нам ого-го сколько. В таком возрасте поздновато менять привычки.

Поместье наше пришло в запустение, это правда. Вначале опустел и разрушился замок, дарованный нам самим королём. Да, да! Тем самым! – Бернар предупредил вопрос Филиппа. – Это всё пожаловано за безупречную службу. Но я продолжу. Вначале разрушился замок. Средств поддерживать его в надлежащем состоянии не хватало, к тому же в нём холодно и сыро. И мы построили этот дом и переехали сюда. Много лет мы жили здесь, но переворот, произошедший в конце восемнадцатого века, который вы почему-то называете революцией, оставил нас без доходов, которые выплачивала нам королевская казна пожизненно. Вместе с ликвидацией монархии были ликвидированы и все её обязательства. У нас были накоплены кое-какие сбережения, и при скромном существовании этого хватило бы надолго. Однако всё имеет свойство заканчиваться... Нам очень нужны деньги! – Бернар схватил спутника за руку и просительно посмотрел ему в глаза. – Нам нужна эта ссуда!

Худшие опасения Филиппа подтвердились. Это были самые что ни на есть сумасшедшие!

– Боюсь, что это не от меня зависит, – осторожно высво-

бождая руку, сказал он. – Я всего лишь составлю заключение, а решать будет правление банка.

– Напишите так, чтобы они вынесли положительное решение! Ну что вам стоит?..

– Я постараюсь. Но я не собираюсь обманывать...

– Зачем обманывать?! – обрадовался месье Легран. – Не надо никого обманывать! Пишите, что видели – дом, поля, виноградники.

– Но поля пустые, а виноградники засохли...

– Это как посмотреть. С моей точки зрения, виноградники очень даже ничего!

– Боюсь, что ваша точка зрения может не совпасть с точкой зрения правления банка...

– Давайте начистоту! – Бернар остановился и заглянул в глаза Филиппу. – Сегодня произошло непоправимое! Я ещё точно не знаю что, но это что-то может перерасти в большую беду! Я это отчётливо ощущаю!

– О чём вы? – спросил Филипп, на всякий случай отступив на полшага назад.

– Беда надвигается! Тучи над нашей Францией сгустились... Гроза ещё не грянула, но гром гремит!

Филипп никогда до этого не имел дела с сумасшедшими, поэтому не знал, как себя надо вести в подобной обстановке.

– Простите, месье, – осторожно возразил он. – Но небо ясное, никакой грозы не предвидится.

– Я не о погоде, – досадливо махнул рукой Бернар. – Я

выражаюсь иносказательно, как вы не поймёте! Война идёт.

– Я только вчера приехал из Парижа и уверяю вас – никакой войны нет.

– Сегодня утром что-то произошло... – мрачно сказал Бернар. – Я почувствовал. А уж поверьте моей милой супруге, я никогда в таком не ошибался. Перед резнёй, которую некоторые называют революцией, я три дня мучился с желудком. Когда этот карлик пошёл в поход на Россию, я сказал своей Изабелле, что добром это не кончится, и русские через два года были в Париже. Перед Первой мировой я не спал всю ночь. Сегодня мне тоже беспокойно: я чувствую, что что-то началось. И это что-то на этот раз может коснуться и нас с Изабель...

– Успокойтесь, месье Бернар, я уверен, что ничего страшного не произошло! Вам надо выпить бокал вина и прилечь отдохнуть. Хотите, я сбегаю за автомобилем?

– Я отлично себя чувствую! Не смейте говорить со мной, как с идиотом! – возмутился месье Легран. – Вот увидите, что я прав. Вон уже видно первые дома. Вы хотели телефонировать в Париж, извольте. Почта – белый дом с вывеской посередине улицы. Ускорим шаги.

Сразу дозвониться не удалось, номер не отвечал.

– И не мудрено, – сказал почтовый служащий, наблюдавший за безуспешными попытками Филиппа соединиться с начальством. – Я думаю, месье, там, в Париже, не до вас. Сейчас все газетчики и биржа стоят на ушах.

– О чём это вы? – оторвался от телефона Филипп.

– Ну, как же? Сегодня в пять утра Германия вторглась в Бельгию. Наше правительство направляет туда корпус.

– А я говорил!.. – поднял палец Бернар.

– Это значит – война?

– Война объявлена давно, но никто ни с кем не воюет, – задумчиво проговорил служащий, держащий трубку возле уха, не теряя надежды связаться с Парижем. – Но, скажу я вам по секрету, Гитлер – это не самое плохое... Посмотрите, как за восемь лет он поднял из руин свою страну, как вдохновил народ! Франции давно нужна встряска. Посмотрим, что означают сегодняшние события, никто пока ничего толком не знает...

– Узнаете через три дня! – глубокомысленно заявил Бернар. – А насчёт Гитлера вы сильно заблуждаетесь, поверьте мне! Он ещё покажет своё истинное лицо!

Филипп стоял в растерянности, переводя взгляд с почтового служителя на хозяина поместья Розе Руж.

– Месье, Париж на проводе!

Разговор не задался. Растерянный Филипп что-то говорил об изменившихся обстоятельствах, руководитель кредитного отдела вначале слушал молча, а потом прервал сбивчивые объяснения своего агента.

– Вот что, – сказал он. – Половина наших клиентов того... Но мы не психиатры, мы банкиры, нам нет нужды изучать их странности. Это раз! И два, какое вам дело до этой Бельгии?

Ну, направил туда Гитлер свои войска, а наш Рейно свои, и что? Пока дело не дошло до прямых боестолкновений, и не факт, что дойдёт... У вас есть два дня, чтобы составить подробный отчёт об этом поместье. Скажу вам по секрету: кое-кто из членов правления заинтересован в этих землях, особенно если их нынешним владельцам нечем будет расплачиваться по ссуде... Вы меня понимаете?

– Да, месье.

– Тогда удачи вам.

В трубке раздались гудки.

– Я так понимаю, вы остаётесь? – участливо спросил месье Бернар.

Филипп только махнул рукой и вышел на улицу.

– Пойдёмте к машине. Или, если хотите, можем выпить кофе в местной булочной. В хорошую погоду хозяин выносит столики на улицу, и там любят сидеть старики.

– Нет уж. Пойдёмте к машине. Я бы хотел быстрее закончить со всеми формальностями и уехать домой.

– Я вас понимаю, месье. Я тоже не люблю покидать свой дом...

Ещё часа три они ездили полевыми дорогами, осматривая уголья месье Леграна. Картина была везде одинаковая: заросшие поля и засохшие виноградники.

Вернувшись в дом, умывшись и отдохнув минут двадцать после дороги, Филипп спустился в столовую обедать.

– Ну, как вам наше поместье? – подавая первое, спросила

мадам Изабель.

– Как бы вам сказать... – заворачивая салфетку за воротник, задумался Филипп. – Обширное поместье.

– Простор! Красота! – обрадовалась хозяйка.

– Месье считает, что эта красота пребывает в запустении, – мрачно вставил Бернар.

– Как так в запустении? Вы видели виноградники? Таких сортов сейчас не выращивают! А поля... Ну, что поля? Их засеять – раз плюнуть.

– Теперь мне потребуется осмотреть весь дом, – сменил направление разговора Филипп, – чтобы составить заключение о его состоянии.

– Но вы видели почти весь дом... – удивилась Изабель. – На втором этаже есть ещё пять комнат, таких же, как ваша. Ну, разве что одна спальня отличается – она чуть больше. На первом – наша комната, гостиная зала, можно хоть сейчас посмотреть. Кухня... Правда, не уверена, что вам там понравится, темно и потолки закопчённые, готовим-то на дровяной плите... Ну, и столовая.

– Мне надо осмотреть состояние стен. Слезить на чердак. И особенно тщательно изучить подвал. В таком старом доме, как этот, первым начинает разрушаться подвал. Грунтовые воды, знаете ли...

– Подвал как подвал... Что смотреть-то в нём? – заворчала хозяйка.

– Не знаю, что вас смутило, но это простая процедура. Я

не буду сверлить стены, проверять на прочность известняковый раствор, я просто посмотрю, и всё.

– Нам придётся показать ему подвал? – Изабель повернулась к мужу.

– Видимо, да.

– Может, он поверит твоему рассказу? Ты подробно опишешь ему состояние сводов, нарисуешь план.

– Этот не поверит...

– Простите, что прерываю вашу беседу... – Филипп удивлённо смотрел на супругов. – Но я здесь, и всё слышу!

– Ты ему ничего не рассказывал? – Изабель не обратила никакого внимания на реплику гостя.

– Сказал. Что мы долго здесь живём, что замок разрушился...

– А он?

– А он считает нас сумасшедшими.

– Напрасно вы так считаете! – наконец-то хозяйка соизволила повернуться к Филиппу. – Мой муж сказал вам чистую правду. Конечно, было бы легче водить вас за нос и изображать из себя обычных людей, но скоро, по утверждению моего супруга, сюда придёт беда, а ему можно верить. Поэтому нет смысла обманывать вас дальше. Да, нам много лет. Очень много. Моему супругу, конечно, больше чем мне...

Мадам Легран кокетливо подняла бровь.

– Вы, конечно, слышали сказку о спящей красавице?

Филипп кивнул.

– Это про нас...

– Ты всегда начинала издалека... Ну что может подумать наш гость? – видя всё возрастающее изумление в глазах Филиппа, в разговор вмешался Бернар. – Конечно, не совсем про нас, но и про нас тоже...

«Это интересный вид сумасшествия, – подумал Филипп. – Неужели мадам воображает себя спящей красавицей, а месье Бернара принцем?»

– Я расскажу по порядку, – Бернар поудобнее устроился на своём стуле, а его супруга подлила в бокалы вина.

– Видите ли... Давным-давно, несколько сотен лет назад, в семнадцатом веке во Франции правил король Людовик XIV Бурбон, прозванный Королём-Солнце. Мы в своих беседах уже много раз упоминали его имя. Так вот, у него, как это водится, было много фавориток, от некоторых были дети. Во дворце это вызывало немалые толки, но и, па-че того, недовольство. Ведь король мог всё, в том числе назначить незаконнорожденного сына наследником. Поэтому многие из них плохо заканчивали: недоброжелатели травили их, оклеветывали, всячески старались убрать их подальше – или в могилу, или в Бастилию. Что поделаешь, такие нравы царили тогда в Европе.

Со многими фаворитками король развлекался, а потом, наигравшись, преподносил им королевский подарок и забывал. Но вот на его пути встретилась молодая и прелестная девушка, звали её Мария-Анжелика де Скорат де Руссиль. Она

была совсем юной и чистой, не испорченной ещё дворцовыми интригами и лживой лестью придворных. Да, вот она, полюбуйтесь сами.

И Бернар указал рукой на портрет за спиной, на котором была изображена девушка лет двадцати-тридцати.

– Не правда ли, она красавица?

Филипп совсем не был в этом уверен, но на всякий случай кивнул.

– Король влюбился как какой-то юноша! Мы с Изабель прислуживали Марии-Анжелике и стали невольными свидетелями этих чувств. Наша госпожа переехала во дворец, а вместе с ней и мы. Конечно, было много завистников! А как же иначе?! Король был хорош собой, хоть и немолод. Пару лет длился этот роман, а это, по меркам Версаля, очень долго. И в один прекрасный день мы узнали, что Мария-Анжелика ждёт ребёнка. Она вся сияла от счастья. И король был рад! Близился день, когда госпожа разрешится от бремени и ребёнок появится на свет. И всё бы ничего, но на одном из балов сир похвастался кому-то, что непременно включит этого ребёнка в список наследников, будь то мальчик или девочка. И тут настали для нас чёрные дни. Госпожу Марию-Анжелику отравили завистники. Она стала на глазах чахнуть. Король всё свободное время, между церемониями одевания, завтрака и обеда, проводил у её ложа. Он даже сократил обеденное меню. Теперь на первое ему подавали суп из диких голубей, а на второе – свиную голову и половин-

ку туши телёнка, а от десертов он почти отказался, оставив только взбитые сливки с клубникой и пирожные.

Вы зря улыбаетесь! Для нашего короля это была почти диета. Обычно на первое ему подавали суп из каплунов – это такие откормленные петухи, суп из четырёх куропаток, бульон из петушиных гребешков и бульон из голубей. Потом следовало горячее: большое блюдо с кусками ястреба, четверть телёнка, паштет из 13 голубей. На закуску приносили жареных куропаток, цыплят и индюка. На десерт подавали огромное блюдо с фруктами, дюжину разных варений и пирожные.

– Кстати, – встрепенулась мадам Легран. – Хотите кофе с пирожными?

– Пожалуй, просто кофе, – растерянно ответил ей Филипп.

– Итак, – продолжил рассказ месье Легран, – герцогиня – а как только она забеременела, король даровал ей титул герцогини де Фонтанж – чахла, король тосковал. Лучшие лекари разводили руками. И тогда случилось первое чудо. На прогулке, сойдя с тропинки полюбоваться розой, король встретил старушку. По виду простолюдинку, но разговаривающую как знатная особа. И между ними состоялся разговор. Старушка назвала королю день смерти его возлюбленной. Но в утешение также сообщила, что за три дня до этого она успеет родить дочь. Она предрекла, что это дитя единственное из людей будет любить короля не за то, что он король, а просто

так.

– Мои подданные обожают меня, – возразил ей король.

В ответ на это старушка рассмеялась. Ещё она сообщила, что, зная о чистой любви дочери к отцу, за девочкой будут охотиться завистники, чтобы убить. И когда юной красавице исполнится шестнадцать, её всё-таки отравят. Но... Она не умрёт, а всего лишь уснёт. А вместе с ней уснут её слуги. И через сто лет проезжающий мимо принц набредёт на заброшенный замок, увидит принцессу, влюбится, поцелует – и та проснётся!

– Да, я читал... – пробормотал Филипп.

Мадам и месье Легран снисходительно улыбнулись.

– Так и случилось, – продолжил Бернар. – Юная герцогиня родила дочь, а через три дня умерла. Король ежедневно приходил к кровати девочки и целовал её в щёчки, хотя до этого подобной чести не удостоивался ни один из отпрысков короля. Принцесса росла, и король всё чаще замечал завистливые взгляды, исподтишка бросаемые придворными. Чтобы уберечь юную Софию, а именно так её окрестили, Людовик втайне купил замок на берегу реки Луары и отдалил туда Софию и два десятка слуг. Мы с Изабеллой были самыми близкими и доверенными из них. Во дворце пустили слух, что юная принцесса умерла от воспаления лёгких: таким образом отец хотел обезопасить свою дочь.

София росла прелестным ребёнком! Раз в полгода её инкогнито навещал король. На эти дни слуг отпускали по до-

мам, а Изабель готовила угощения. Отец и дочь проводили время вместе, их невозможно было оторвать друг от друга. Но дела государства превыше всего, и король уезжал в столицу, а наша жизнь возвращалась в прежнее русло.

И вот принцессе исполнилось шестнадцать. Она была красавицей. Можете сами убедиться – её портрет посередине. Гостей мы, конечно, не звали и в тихом кругу отпраздновали это событие. От Короля было доставлено письмо с поздравлениями и заверение в скором приезде. Девушка была счастлива! Она весь день пела, улыбалась, со всеми была любезна, и от этого настроение у всех было чудесное. После обеда она музицировала, а потом пошла погулять в сад. Мы с супругой почуяли неладное, когда начало темнеть, а принцессы всё не было. Её искали все слуги, обшарили все закоулки в замке. И, наконец, нашли. Она лежала в саду, в дальнем уголке, поэтому её не сразу обнаружил садовник. В руке она держала красную розу, а на пальчике мы увидели красную точку. Видимо, она укололась о шип. Как потом рассказал нам придворный лекарь, изучивший место укола и розу, шипы на ней были смазаны ядом. И ещё лекарь сказал, что принцесса не умерла, а спит. И это было второе чудо.

Примчавшийся король всё время рыдал и сидел возле ложа принцессы. Он поведал нам о давнишней встрече со странной старушкой в саду Версаля.

– Пока всё, что она сказала, сбывается, – добавил он. – Если она сказала правду, то вскоре заснут все слуги принцессы.

И буквально после слов короля в комнату вбежал его слуга и сообщил, что слуги принцессы совершенно неожиданно уснули там, где и были. Садовник заснул на клумбе, которую поливал. Повар – возле очага, лакеи попадали у дверей в покои, конюхи заснули вместе с лошадьми в конюшне. Только я и Изабелла не спали. Вначале король отнёсся к этому с подозрением, но потом он решил, что так сделано специально: ведь надо же кому-то следить за двумя десятками спящих людей. Их же надо переворачивать, иначе у них будут пролежни. И как оказалось, их ещё надо кормить. Все слуги стремительно начали худеть, и тогда моя добрая супруга решила покормить их кашкой с ложечки. И что бы вы думали? Они стали поправляться.

Вот так мы с тех пор и живём. Сколько всего произошло за эти столетия!.. Другие бы не выдержали. Но нам повезло, что мы оказались не слишком умны. Господь наделил нас средними способностями. Умный человек давно бы сошёл с ума за эти века...

– Какая интересная сказка!.. – только и смог сказать ошарашенный Филипп.

– Обычная сказка, – философски заметил Бернар. – Бывают интереснее. Вы ведь читали сказки матушки Гусыни Шарля Перро?

– Конечно! Все знают его сказки. Это ведь он и написал про спящую красавицу.

– Он был как-то здесь проездом, – сообщил Бернар. – Мне

было скучно, а вина мы с ним перебрали в тот вечер. Я рассказал ему эту историю. Я, конечно, не говорил, что это прямо в нашем замке произошло, я выдал это за сказку, услышанную от матери. Ему понравилось, и он усердно записывал. Но когда через несколько лет мне попала на глаза эта книжечка, я еле узнал ту историю, которую ему поведал...

– Это удивительная история, – наконец-то смог произнести Филипп. – Но позвольте мне усомниться в её правдивости.

– Но почему? – воскликнула мадам Легран.

– Вы хотите, чтобы я поверил в то, что люди, сидящие передо мной, которые выглядят лет на пятьдесят максимум, на самом деле живут триста лет?!

– Ну, мне-то поменьше будет... – пробормотала себе под нос хозяйка.

– И в то, что где-то лежит спящая принцесса и ещё двадцать слуг? – продолжил Филипп. – Ну уж нет! Увольте! Я напишу в заключении, что сделку должен освидетельствовать психиатр! А сейчас сообщите Даниелю-Мари, что я уезжаю, пусть разогревает мотор своего автомобиля.

– Хорошо! – спокойно сказал месье Легран. – Но прежде чем уехать, сделайте одно одолжение – спуститесь с нами в подвал.

– Никуда я с вами не пойду! – Филипп встал из-за стола. – Я уезжаю сейчас же.

– Всего лишь одно одолжение. – Хозяин и хозяйка поме-

стья тоже встали. – Кроме того, вы не задумывались, почему нашего слугу зовут Перро?

– Нет. Какое это вообще имеет значение?

– Самое непосредственное! – улыбнулся Бернар. – Дело в том, что он является прямым потомком знаменитого Шарля Перро.

– Не совсем прямым, – вмешалась Изабель. – Дорогой, не вводи нашего гостя в заблуждение, иначе он может подумать, что мы обманщики.

– Да, ты права, дорогая. Он потомок третьего сына, самого младшего, Шарля Перро. Это не самое прямое наследование, но всё-таки... Если не верите нам, можете сами поинтересоваться у него, уважаемый месье де Пентьевр.

Филипп был совсем сбит с толку. Его небольшой жизненный опыт оказался бессилён в данной ситуации. Конечно, ему хотелось как можно быстрее покинуть этот сумасшедший дом, но и просьба руководителя банковского отдела, с намёком на пожелания члена правления, также была важна для него.

– Хорошо, – наконец решился он, – ведите меня в свой подвал. Только предупреждаю вас, что если со мной что случится, вас не оставят в покое. Все знают, где я...

– Хорошо, хорошо, месье! Не беспокойтесь, – засуетилась мадам Легран, беря со стола подсвечник. – Всё будет хорошо! Бернар, возьми ещё свечу.

Лестница в подвал была длинная, из трёх пролётов. В са-

мом её конце Бернар, идущий впереди, открыл тяжёлую дубовую дверь и шагнул внутрь. За ним последовали Филипп и идущая следом мадам Легран. В огромном помещении горели свечи, воткнутые в подсвечники на стенах. А вдоль стен, на деревянных стеллажах лежали люди. Одеты они были в белые ночные рубашки, на их головах были натянуты белые колпаки, все были укрыты серыми одеялами. От удивления Филипп даже пошатнулся. Ему показалось, что это мертвецы. Но, к счастью, он уловил посапывание и даже храп.

– Ч-что это? – дрожащим голосом спросил он.

– Как что? – наигранно удивился Бернар. – Это слуги принцессы.

– Неужели это всё правда?..

– Ну, конечно, милый Филипп, – улыбнулась Изабель. – Посудите сами: какой нам смысл вас обманывать.

– А где же принцесса?

Вместо ответа Бернар, взяв его за локоть, развернул лицом к середине зала. И всмотревшись в полумрак, Филипп увидел постамент, на котором под хрустальной крышкой лежала девушка. Только подойдя на негнущихся ногах, он смог различить её черты лица. Ничего общего с портретом в столовой. Девушка, лежащая в хрустальном гробу, была поистине прекрасна! Нежные черты лица, аккуратный носик, алые губы, светлые волосы.

– Первые сто лет я делала ей причёску. – Голос Изабель вернул Филиппа в реальность. – Но потом я подумала, что

какая разница...

– Если честно, – вставил Бернар, – мы за эти годы очень устали! Они же, как дети малые – накорми, помой, одень, накрой потеплее. Да ещё крысы... Приходится нафталином пересыпать, отраву вокруг разбрасывать и свечи держать зажжёнными. Уже миллион свечей спалили, наверное...

– А как же принц? – не отрывая взгляда от принцессы, спросил Филипп.

– Один раз был принц, – мрачно сообщил Бернар. – Ровно через сто лет проезжал мимо, всё, как и было предсказано. Но ничего не произошло, как видите...

– Я не понимаю...

– Что же тут непонятного? – встряла в разговор мадам Легран. – Ясно же сказано: приедет принц, влюбится! А этот не влюбился...

– И что? Не поцеловал?

– Почему же? Поцеловал... Даже не один раз. Но всё бесполезно... Вот и живём тут три века...

По её щеке сбежала слеза.

– Но мы привыкли уже, – обнял её за плечи супруг. – Неизвестно, что лучше: проспать триста лет или заботиться о них, но при этом дышать свежим воздухом и греться на солнышке.

Кто-то из спящих повернулся и зачмокал во сне.

– Пойдёмте наверх, – предложила Изабель. – Я вам чай крепкий заварю. После этой сырости лучше и не придума-

ешь.

Они с мужем пошли к выходу, а Филипп всё не мог оторвать взгляда от прекрасной принцессы. И когда он уже сделал шаг назад, ему вдруг показалось, что она улыбнулась. Со всем чуть-чуть, одними уголками губ.

– Теперь вы понимаете, зачем нам деньги? – вслух размышлял Бернар, когда они вновь оказались в столовой. – Они требуют постоянного ухода. Нам с Изабель не одна сотня лет. Хотя она, конечно, моложе меня... И кроме того, Даниель-Мари... Мы обещали Шарлю, что присмотрим за его младшеньким и его потомством. Эта ветвь оказалась совсем неприспособленной к жизни.

– Да, да! Теперь мне всё понятно! – с готовностью закивал головой Филипп.

– Кроме того, я действительно ощущаю приближение беды. Очень явное и сильное ощущение... Мне кажется, что нам надо уезжать отсюда. А это совсем не просто...

Филипп обещал по приезде в Париж составить положительный отчёт о своей поездке и заверил супругов Легран, что деньги им вероятнее всего выделят.

– И куда вы поедете?

– Ещё не знаем. Возможно, в Италию или Испанию...

Спать разошлись поздно. Месье и мадам Легран, обрадованные возможностью выговориться, не боясь раскрыть тайны, наперебой рассказывали о своей жизни. Этому рассказу мог бы позавидовать любой историк, но Филипп был всего

лишь младшим банковским сотрудником, и его не интересовали особенности придворного этикета конца семнадцатого века, тайны дворцовых интриг и родословная герцогов Анжуйских. Все его вопросы касались принцессы Софии: во что играла, когда была маленькой, какие книжки читала, какое угощение любила больше всего.

Ночью Филипп никак не мог уснуть. Вначале он размышлял об этой удивительной истории, свидетелем которой невольно стал, закрывая глаза, он видел перед собой лицо принцессы. Потом понял, что так не заснёт никогда, и стал считать овец. Сбивался, начинал сначала, но сон не шёл. И тогда он вновь стал вспоминать юную принцессу, которая живёт на земле почти три сотни лет, но при этом всё такая же молодая и красивая. И вдруг ему захотелось увидеть её лицо ещё раз. Он гнал эти мысли, но они возвращались снова и снова. Тогда он зажёл свечу в подсвечнике и аккуратно, чтобы не скрипнула, открыл дверь и спустился на первый этаж. Тихо шагая, он прошёл по коридору к лестнице, ведущей в подвал, спустился, навалился плечом на дубовую дверь и оказался в сводчатом подвале.

У стены по-прежнему похрапывали и посапывали слуги. А в центре возвышалось ложе, на котором спала принцесса. Филипп долго вглядывался сквозь хрустальную крышку, изучая лицо девушки. Иногда ему казалось, что за ним наблюдают, он оглядывался, но в подвале были только спящие. Вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль: а что ес-

ли поднять крышку гроба? Закрепив свечу в изголовье постамент, он двумя руками поддел крышку, та поддалась и на удивление легко откинулась на серебряных петлях. Теперь между ними не было преграды! Филиппу даже казалось, что он слышит дыхание девушки. Чтобы проверить это, он наклонился. Прямо перед его глазами были нежные губы. В подвале повисла тишина, казалось, даже слуги перестали храпеть. Не отдавая себе отчёта в действиях, Филипп подался вперёд и поцеловал их. Ресницы принцессы дрогнули...

«Что же я наделал?» – подумал Филипп.

И в этот миг принцесса открыла глаза.

– Ах, это вы, принц? – сказала она. – Наконец-то! Долго же вы заставили ждать себя...

Не успела она договорить эти слова, как все кругом пробудились. Зевая, поднялась со своего места одна дама, потягиваясь, присел пожилой мужчина. Все двадцать человек проснулись и протирали глаза, пытаясь понять, где же они. Принцесса тоже приподнялась на своём ложе, и Филипп помог ей спуститься. Её ноги были босы, и чтобы ей не было холодно, он постелил ей одно из одеял, которыми были укрыты слуги.

– Где мы? – раздавалось со всех сторон.

– Что с моей одеждой? – воскликнула придворная дама, стыдливо кутаясь в одеяло.

– Зажгите кто-нибудь свет! – приставал ко всем пожилой мужчина.

И только Филипп и София стояли посередине тёмного подвала и смотрели друг другу в глаза.

На лестнице раздался шум, дверь распахнулась, и в подвал ворвались месье и мадам Легран.

– Что здесь происходит? – начал кричать Бернар, но разглядев в полумраке проснувшихся людей, осёкся.

– Свершилось, Бернар, – шепотом сказала Изабель. – Свершилось!

– Дядюшка Бернар! Тетушка Изабель! – обрадовалась их появлению принцесса. – Может, хотя бы вы объясните, что здесь происходит?

– Милая моя девочка! – Изабель бросилась с объятиями к принцессе. – Всё уже хорошо! Всё уже замечательно...

Началась суэта. Все говорили, все старались протиснуться поближе к месье и мадам Легран. А те распорядились, одновременно объяснялись и плакали от счастья. Филиппа оттеснили в угол, и какое-то время он стоял там, чтобы никому не мешать. Но вскоре ему это надоело, он поднялся и вышел на улицу. Недалеко от колодца стоял, покуривая папиросу, Даниель-Мари.

– Ну что? Проснулась принцесса? – спросил он.

– Да. Там сейчас суэта...

Филипп присел на краешек колодца.

– А откуда вы знаете? – спохватился он. – Вы были посвящены?

– Месье и мадам свято хранили от нас эту тайну, – ух-

мыльнулся Даниель-Мари. – Но у них своя тайна, а у нас своя. В нашей семье из поколения в поколение передаётся легенда о спящей принцессе, а вместе с ней – наказ, чтобы мы были рядом и помогали. Вы же знаете, кто был мой предок?

– Теперь знаю, – пробормотал Филипп. – Это он написал эту сказку.

– Совершенно верно, – довольно ответил шофёр. – Это сейчас к сказкам относятся легкомысленно, а вот раньше им придавали совсем иное значение!

Всю ночь и весь следующий день дом месье и мадам Легран стоял вверх дном. Ещё бы! Им надо было одеть и причесать двадцать человек и принцессу. А вдобавок к тому каждый требовал, чтобы ему рассказали о том, что с ними произошло и что происходило в мире в то время, пока они спали. Несколько раз Филипп пытался увидеться с принцессой, но хозяева поместья отмахивались от него – позже.

На второй день, сделав с утра ещё одну бесплодную попытку увидеть Софию, Филипп собрал свои нехитрые пожитки и постучал в дверь флигеля, где жил водитель.

– Что вам угодно, месье? – вышел тот через минуту.

– Я хотел бы просить вас об одолжении – отвезти меня на станцию. В противном случае мне придётся идти пешком.

– Твёрдо решили уехать?

Филипп кивнул.

Через десять минут их автомобиль пылил по просёлочной

дороге по направлению к городу.

– Скажите, ваш предок был сказочником, – прервал молчание Филипп. – А вы сами разбираетесь в сказках?

– Конечно, месье! – Даниель-Мари важно кивнул.

– Я помню эту сказку, мне читали её в детстве, но, кажется, она заканчивается несколько иначе...

– Совершенно верно. Но это же литература! В ней всё должно заканчиваться хорошо. В жизни совсем иначе. В жизни оно всегда интересней! Так говорил мне мой отец, а ему его отец, а ему...

– Спасибо! – не стал слушать до конца Филипп.

Спустя два часа Филипп де Пентьевр сидел в вагоне второго класса поезда Тур – Париж. В руках у него была газета, в которой сообщалось о ходе военных действий на севере Франции, о первом грандиозном сражении возле Мааса, которое окончилось трагически для французских войск. По всем направлениям войска отступали, и многие политики уже трубили о трагедии, постигшей Францию.

В Париже Филипп появился в своём банке, но только для того, чтобы дать отчёт о своей поездке. В нём он указал исключительно положительные отзывы о состоянии поместья, о редких сортах винограда и о многом другом. А сам пошёл записываться добровольцем в армию. Таких, как он, было немного – в основном все бежали из армии, и все дороги были полны беженцев и дезертиров, которые, впрочем, неплохо устроились позже, при оккупационном режиме.

Войска отступали хаотично. Уже в середине июня сдали Париж, правительство поговаривало о капитуляции и уже 25 июня подписало её. Часть войск кораблями было вывезено в Алжир, где под командованием генерала де Голля велись боевые действия против Германии. Среди этих солдат был и Филипп.

К середине сорок четвёртого года Филипп имел звание лейтенанта. Обветренный и загорелый, он командовал штабом батальона. Если бы его сейчас видели знакомые, они бы удивились переменам, произошедшим с ним: в голосе его появилась хрипотца и уверенность, тело налилось силой, волосы выцвели под палящим солнцем. Но удивляться было некому: немногочисленных знакомых разметала война, а родственников у него не было.

Когда войсками союзников после высадки в Нормандии был взят Париж, он с небольшой группой солдат был отправлен в только что освобождённый Тур. В течение пары дней, закончив все дела, он взял машину с водителем и, отпросившись на полдня, поехал в поместье Розе Руж. Память о днях, проведённых там, все эти годы не давала ему покоя, и не воспользоваться таким случаем он не мог.

Издалека поместье казалось таким же, каким он его видел в далёком мае сорокового года. Но, уже подъезжая, Филипп заметил, что дом смотрит пустыми глазницами окон, чёрными от копоти недавнего пожара, крыша обвалилась, и только каменные стены выдержали натиск огня. Целым ока-

зался флигель, по крайней мере, стекла в окнах были целы. Когда машина остановилась во дворе, Филиппу показалось, что шевельнулась занавеска в окне, однако из него никто не выходил.

Он в сопровождении водителя, у которого через плечо была перекинута винтовка, миновав ржавые ворота, вошёл на территорию поместья. Кругом были следы от гусениц танков. Ограда слева от дома была проломлена в двух местах – видимо, танкисты вермахта не сильно утруждались поиском нормального входа. Рядом с липами Филипп увидел свежие могилы – небольшие, аккуратные насыпи с крестами в изголовьях. Их было много. Уже подойдя, он насчитал двадцать один крест.

– Двадцать слуг спало в подвале и одна принцесса... – задумчиво произнёс Филипп вслух.

Водитель недоумённо посмотрел на лейтенанта и на всякий случай кивнул.

За их спинами скрипнула дверь, и из флигеля вышел бородатый мужчина, в котором Филипп не сразу узнал Даниеля-Мари Перро.

– Чем могу быть вам полезен, господа? – спросил Даниель-Мари.

– Вы не помните меня? – спросил Филипп, снимая фуражку. – Я гостил в этом доме в сороковом году, перед самым началом войны...

– Вы? – недоверчиво произнес шофёр. – Это вы?

– Да, я, как видите.

– Неужели?! – радостно завопил Даниель-Мари, бросаясь к Филиппу с объятиями.

– Что здесь произошло? – наконец освободившись, спросил Филипп.

Даниель-Мари помрачнел.

– Они хотели уехать, но не успели – гитлеровцы продвигались слишком быстро. В сорок втором их расстреляли немцы, а дом сожгли. Их обвинили в участии в Сопротивлении.

– А как же ты?

– Я в это время был в деревне. Дело в том...

– Тебе повезло, мой друг... – не дал ему договорить Филипп. – А где месье и мадам Легран?

– Вон они, – Даниель-Мари указал на захоронения. – Их могилы первые слева...

– Но здесь двадцать одна могила? – удивился Филипп.

– Всё правильно. Каждому по одной...

– Но было двадцать слуг, одна принцесса и мадам и месье Легран! Должно быть ещё две могилы.

– Месье, вы не дали мне договорить, – терпеливо стал объяснять Даниель-Мари. – Я, как уже сказал, был тогда в деревне. Но это было не простое совпадение...

– А что же?

– Мой знаменитый предок не случайно попал в замок к месье Леграну, когда тот рассказал ему историю со спящей принцессой. До этого ему тоже повстречалась одна старуш-

ка. Она предсказала ему литературную славу и дала наказ – быть всегда рядом с принцессой, но не подавать вида, что тайна замка ему известна. «Из поколения в поколение на вас возлагается миссия служения: что бы ни произошло, будьте рядом», – сказала она тогда. Шарль Перро для этой миссии выбрал своего младшего сына и его потомство. Старший был умный и подавал надежды на политическом поприще, средний неплохо знал банковское дело, ну, а третий... Третий был не так и не сяк... Ему и поручили.

Глаза присутствующего при этом странном разговоре водителя Филиппа стали круглыми, а челюсть отвисла.

– Иди-ка ты, дружище, к машине, – велел ему Филипп. И когда тот отошёл, повернулся к Даниелю-Марию. – И что же?

– Ещё эта старушка сказала: «Наступит день, когда утром вы услышите слова: „Дети отечества, день славы настал“. Тогда знайте, что принцесса в опасности».

– Это же слова из «Марсельезы»? – удивился Филипп. – Это же гимн Франции.

– Да?.. Я не знал. Но это неважно. Важно то, что в тот августовский день сорок второго года я выехал в деревню купить молока и хлеба и, проходя мимо одного дома, через открытое окно услышал звуки патефона и совершенно отчётливо разобрал именно эти слова... И тогда я помчался обратно в поместье. Там, во дворе, я увидел Софию и кормилицу, ничего не понимающих; я затолкал их в автомобиль и увёз их подальше. Про кормилицу, правда, пророчество ни-

чего не говорило... Но нельзя же было её бросить там?.. – Даниель-Мари как будто оправдывался. – А когда вернулся через три дня, увидел трупы во дворе... Вы же помните, каких взглядов придерживался несчастный месье Легран. И он никогда не молчал, несмотря на все просьбы доброй мадам Изабель. Об этом донесли, при этом кое-чего добавили, а кое-что в гестапо додумали сами...

– Я думал, принцесса здесь... – Филипп посмотрел на могилы, голос его вдруг осип. – Что с ней? Она жива?!

– София жива, конечно! Она же тогда была со мной.

– А где же?!..

– Ещё кормилица сохранилась...

– Да где же прин...?

Филипп не успел закончить вопрос, в это время из дома вышла София. Одетая она была в обычное деревенское платье, но и в нём она оставалась истинной принцессой. Молча она подошла к Филиппу, и они долго смотрели друг на друга. Деликатный Даниель-Мари отошёл к машине, на которой приехали военные, и стал её осматривать, не обращая внимания на удивлённого водителя.

– Наконец-то... – сказала принцесса, не отрывая глаз от Филиппа. – Долго же вы заставили ждать себя...

– Четыре года... – шёпотом ответил Филипп.

– Целую вечность...

Я ветеран

За окном хорошая весенняя погода. Снег давно сошёл, газоны зазеленели молодой травой, а на деревьях набухли почки. Для меня это уже девяностая весна... Страшно подумать, но я ещё жив. Почти не выхожу из дома, с трудом таскаю из комнаты на кухню свои ноги в старых истоптанных тапках, таблетки пью горстями, но жив. Наверное, это несправедливо: все мои товарищи уже ушли, семь лет назад ушла моя Катя, мои дети и внуки любят меня, но живут своей жизнью, вдали. В любом случае осталось чуть-чуть, как бы оптимистично я не смотрел на жизнь, рано или поздно она заканчивается.

За окном играют дети, молодые мамы и бабушки, прогуливаясь рядом, наблюдают за ними. Чуть дальше – улица, по которой проносятся машины и торопятся пешеходы. Там кипит жизнь, а здесь, в тихой однокомнатной квартире, она заканчивается. Вяло колыхается занавеска перед раскрытой форточкой, давно остыл чай в кружке – налил зачем-то, а пить не хочется. Последние годы это место за столом возле окна – моё любимое. Здесь я вспоминаю, здесь я живу событиями давно минувших дней. Не имея будущего, человек автоматически лишается настоящего, у него остаётся только прошлое.

Я гораздо лучше помню события семидесятилетней дав-

ности, чем то, что было десять лет назад. Сейчас все дни сливаются в один, и поход в магазин или поликлинику становится чем-то необычным. Видимо, старость дана, в том числе, для осознания прошедшей жизни и созерцания новой, в лице внуков.

Лет двадцать назад я, сев за стол и положив перед собой руки, не узнал их. Я помнил их ещё сильными и красивыми, а передо мной лежали старческие, узловатые, высохшие, с чуть дрожащими пальцами. Именно тогда пришло осознание наступившей старости. Подойдя к зеркалу, увидел явное несоответствие: сам для себя ещё нормальный человек, среднего возраста, стоял в прихожей и смотрел на седого, лысеющего старичка с морщинистым лицом. С тех пор, общаясь с продавцами или кассирами в банке, я как бы со стороны видел себя таким, как запомнил в зеркальном отражении. Мои внуки, старшему из которых уже почти тридцать, знают меня только такого. Вежливо пролистывая вместе со мной фотоальбомы, они смотрят на мои юношеские изображения мимоходом, не утруждая себя мысленным погружением в моё прошлое. Что говорить о них, когда и моим детям трудно вспомнить меня таким, как много лет назад, понять, что я не просто дедушка, к которому они приезжают на дни рождения вот уже которое десятилетие подряд, а носитель целой вселенной событий! Которые, когда-то произойдя, навсегда остались со мной и во мне. Мои одноклассники, умерев, не исчезли, они навсегда внутри меня. Дожди и метели, под ко-

которые я попадал, так же роняют свои капли в глубинах моей памяти, а снежинки заметают её дальние уголки. Я – это целый мир, который, к сожалению, никому не интересен, но он, тем не менее, есть!

Сейчас в это трудно поверить, но когда-то я был маленьким. Жили мы в небольшой деревянной избе, окружённой полями Рязанской области. Дорога из жёлто-серой глины, нанизавшая на себя несколько деревень и сел, начиналась в уездном городе Скопин, а заканчивалась в нашем, немаленьком по меркам тех годов, селе. Разбитая телегами, летом горячая от лучей солнца, в дождливые осенние дни она становилась раскисшей и трудно преодолимой. На окраине стояла настоящая ветряная мельница, на которой работал мой дед. Тогда она казалась нам чудом, и мы с мальчишками любили играть неподалеку.

Это было время организации колхозов. Не понаслышке мы знали о труде в полях, весной и осенью помогая взрослым посадить, а затем убрать урожай. Серпом мы срезали колосья и складывали аккуратно по левую руку, а потом собирали их в снопы и накидывали в телегу, а позже вручную молотили, выбивая зерно.

В деревнях тогда было голодно, но мы, не зная другой жизни, не сильно переживали из-за этого. Хлеб по-прежнему готовили в печах, и от отсутствия соли и примеси лебеды в ржаной муке был он кисловато-пресным. По праздникам готовили блины, подслащивая их мёдом, выпекали пироги с

капустой и яйцом, а в горшке тушили мясо. В обычные дни ели просяную или ячменную кашу, заедая хлебом и запивая водой.

Церковь на пригорке ещё действовала, созывая на молитвы колокольным звоном. Я любил церковные праздники, на них всегда готовили вкусные угощения. Но вскоре служить в ней перестали и организовали склад.

Детство в моих воспоминаниях всегда светлое и солнечное. Хотя, наверное, так у всех. Помню лес неподалёку, в котором собирали грибы и ягоды, речку, где бреднем ловили рыбу. А на поле возле села стояли табором цыгане. В колхозе они почти не работали, но и вреда от них не было. Каждый вечер у костров затягивали они свои песни, и мы, конечно же, любили бывать у них. Там, сидя у костра, мы как бы впитывали в себя чужой запах странствий и свободы.

Сельская школа располагалась в двухэтажном здании училища, построенного ещё до революции. Свои честные семь классов я отучился довольно неплохо. Конечно, до уровня современной школы было совсем далеко, но учителя, готовившие специалистов ещё при царе, научили нас думать, искать и находить ответы. Продолжил учёбу я уже в городе. Там, на главной улице, было вечернее ремесленное училище, по окончании которого выдавался диплом.

Вечером я посещал занятия, а днём работал на хлебопекарном заводе. Попав на него впервые, я был поражён количеством хлеба! Для меня это было настолько непривычным

зрелищем, как если бы бедняка завели в помещение монетного двора и заставили складывать банкноты пачками. Работа была несложная, но тяжёлая. Мы, я и двое таких же ребят, таскали мешки с мукой, поддоны с готовым хлебом, подносили ведра с водой, перетаскивали чаны с тестом, а потом отмывали их, приготавливая под новую закваску.

Процесс этот был почти ручной и выглядел следующим образом. В огромный чан высыпалась мука, затем из вёдер наливали воду и кидали несколько горстей закваски, которая специально была оставлена для брожения от предыдущих замесов. Перемешивали тесто специальные мешалки, приводившиеся в движение вращением ручки колеса с приводным ремнём. Когда тесто было готово, его оставляли на некоторое время «доходить», а спустя час чан подвозили к раздаточному столу, и фасовщица руками наполняла заранее приготовленные чугунные формы. Она нагибалась, зачерпывала руками порцию теста, бросала её на весы, отмеряла нужное количество граммов, затем собирала расплывающуюся жидкость с чаши весов и кидала её в форму, которую затем ставили в специальный шкаф, где тесто поднималось, и только потом засовывали в металлические печи, топившиеся дровами. Чтобы хлеб пропёкся равномерно, посередине процесса печь надо было открыть, вытащить раскалённые формы и вставить их обратно другой стороной. Обжигаясь, доставали хлеб войлочными рукавицами, вываливая формы на специальный стол, выбивая из каждой буханки, которые аккурат-

но складывали на поддоны. И всё начиналось заново. В день надо было выпечь около пятидесяти таких чанов, в каждый из которых входило по полтора мешка муки.

Самое главное испытание, с которым я столкнулся, работая на хлебозаводе, – при таком обилии хлеба есть его было категорически нельзя. И только в обеденный перерыв нам приносили не больше чем по половине буханки на человека подгоревшего, забракованного хлеба.

Закончился мой первый курс в училище, скоро должно было исполниться 15 лет, когда началась война. Душевный подъём первых дней сменился растерянностью. Фронт приближался, почти каждый день из динамиков громкоговорителя передавали об оставлении нашими частями то одного, то другого населённого пункта. Наш город находился в стороне от больших дорог и не видел потоков беженцев с запада и эшелонов с востока, но знакомые ребята из Рязска о санитарных поездах, теплушках с новым пополнением и платформами с техникой, закутанной в брезент, знали не понаслышке. Именно через Рязск проходила крупная железнодорожная линия, соединяющая столицу и юг страны.

В начале июля мой отец и старший брат ушли на фронт. Мне удалось приехать домой на проводы. Вечером посидели за столом, больше молчали. Мать просила, чтобы я вернулся, но отец всё правильно рассудил: негоже мне в такие дни бросать работу и учёбу. А наутро они ушли, и с площади около церкви их и ещё пятерых увезла полупансионёрка. Больше

мы их никогда не видели и не получили ни одной весточки. А в августе в Скопине стали создавать отряды самообороны. В один из таких отрядов, входящих в состав Скопинского истребительного добровольческого батальона, пошёл и я. На возраст тогда не смотрели, нужно было защищать город. С нами начались занятия по боевой подготовке, учили стрелять, кидать гранаты. Иногда нас выводили на земляные работы – рыли противотанковые рвы недалеко от города. Согласно установленному графику, несли патрулирование улиц города и выезжали в предполагаемые места высадки вражеского десанта. Спать нас отпускали по домам, в моём случае это было общежитие при училище, куда я заходил совсем другой уже походкой, важный и очень уставший.

К середине ноября фашисты подошли совсем близко. Мы знали, что ими уже захвачен соседний район, и ждали их со дня на день. Тогда же нас всех перевели на казарменное положение. Наши дозоры видели немецких мотоциклистов, выскакивавших на окраину города, которые, не принимая боя, разворачивались и уезжали. Тревога нарастала. Среди бойцов ополчения было много детей лет пятнадцати-семнадцати, тогда на возраст никто не смотрел. Одеты в разношёрстную гражданскую одежду, вооружённые нашими «трёхлинейками» и польскими винтовками «radom», с тремя пулемётами на всех, вид мы имели жалкий. Хотелось быстрее встретиться с противником, но чем ближе был этот момент, тем страшнее становилось. Фашисты подошли со-

всем близко, и мы ждали их атаки на город в ближайшие часы.

В ночь с 24 на 25 ноября никто из батальона не смог уснуть. Стоял мороз, мы менялись в дозорах каждый час, и в темноте постоянно мерещилось движение. Те, кто был свободен, чистили оружие, готовили гранаты, в том числе, из-за нехватки обычных, и самодельные, начинённые тротилом с бикфордовым шнуром. Утром, когда рассвело, на горизонте появились немецкие колонны, мотоциклисты и крытые тентами грузовые машины. Они никого не боялись, так как их разведка доложила, что регулярных частей Красной Армии в городе нет. Подпустив их поближе, мы открыли огонь. В результате удалось поджечь несколько мотоциклов и машину, враг отступил.

Немец перегруппировывался, вдали горели угольные шахты, мороз стоял градусов под тридцать, а мы радовались первому успеху, рассказывая друг другу, кто и сколько фрицев убил.

Бой длился почти сутки. Натиск врага усиливался, и только поддержка нашими штурмовиками Ил-2 помогала нам держаться. Но всё же к ночи батальон был вынужден отступить на окраину города. Наш взвод занял оборону в здании такой родной пекарни. Всё здесь было пропитано запахом хлеба, от чего безумно хотелось есть, но ничего съестного не нашлось, всё было вывезено в тыл.

Примерно в полдень следующего дня отдельные, неболь-

шие подразделения противника проникли в город и создали ощущение окружения. Вскоре последовал приказ отступить. В почти организованном порядке мы отошли в места дислокации, где сдали часть оружия, а часть оставили себе, для дальнейшей диверсионной работы в тылу врага, и разошлись по домам. Силы ополчения в количестве чуть большем ста более суток удерживали наступление противника.

Три дня длилась оккупация Скопина. Их выбили моряки Отдельной морской стрелковой бригады. За это время немцы успели пограбить, арестовать кучу народа, человек тридцать расстреляли на площади. Среди местных жителей были и те, кто сразу признал власть фашистов и стал им помогать; они, когда город отбили, ушли вместе с фрицами.

Таким для меня было начало войны. Успев повоевать, я вновь вернулся к мирной жизни, продолжил работать, только теперь я работал в городском железнодорожном депо, в ремонтных мастерских. Пару раз удалось съездить к матери. Та угощала меня лепёшками из лебеды и маленькими картофелинами, сваренными «в мундире». Работала она в колхозе, ухаживала за коровами. На тумбочке, под иконами, я увидел молитвослов и открытый псалтырь, раньше там лежали старые газеты и всякая мелочь.

В начале 1943 года, когда исполнилось семнадцать, я исправил год рождения и направился в военкомат. Долго разбираться со мной никто не стал, и, дав сутки попрощаться с родными, отправили в областной центр. В Рязань на от-

дых и доукомплектование прибыла с Калининского фронта 46-я стрелковая бригада. Осенью 1943 г. из 46-й, 32-й и 33-й стрелковых бригад была сформирована 319-я стрелковая дивизия, ставшая в дальнейшем Двинской Краснознаменной и завершившая свой боевой путь под Кёнигсбергом. В её составе был 1336-й стрелковый полк, к которому меня и прикрепили.

В октябре 1943 года наша дивизия прибыла в распоряжение 44-го стрелкового корпуса 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта. Всего лишь несколько месяцев назад армия закончила Ржевское наступление, и на момент нашего прибытия войска армии оборонялись по восточному берегу реки Ловать на участке Холм – Великие Луки. Несколько дней нас продержали в тылу, а затем провели ротацию частей, выведя на переднюю линию обороны.

До этого я был уверен, что понюхал порох и знаю, что такое война, но всё оказалось по-другому. Перед нами была изрытая воронками серая осенняя земля, мост слева от нас был разбит прямым попаданием. В первый же день немцы, видимо получив данные о перемещениях на нашей стороне, обрушили на нас огненный дождь орудийных и авиационных бомб. Земля гудела и подпрыгивала, по ней били огромным чугунным молотом, чья равнодушная сила вызывала панический страх. Грязь под щекой стала родной, я вжимался в неё, мечтая утонуть в ней, только не слышать оглушающие удары, только не видеть того, что вокруг. Бомбёжка закон-

чилась, а в моих ушах всё ещё гроыхало. Очнулся от того, что кто-то тряс за плечо: «*Живой?*» Вот так начался мой боевой путь.

В январе началась Ленинградско-Новгородская операция, и мы пошли вперёд. Перед началом общего наступления наша артиллерия с авиацией наносили упреждающие удары по противнику. Мы вслушивались в недалёкий гул от разрывов, про себя заклиная «ещё!» Ещё! За секунды до атаки окоп казался родным и уютным, его не хотелось покидать. А потом был бег. Шум крови в ушах, хрип собственного дыхания, переходящий в вой, который принято называть «*Ура!*». На середине нейтральной полосы добавились звуки выстрелов, это немцы, попрятавшиеся во время артподготовки, вновь заняли свои позиции. Кто-то упал, ещё один, и ещё... Я понимаю, как чувствует себя лошадь с зашоренными глазами – периферийное зрение пропало полностью, осталась только с каждым шагом приближающаяся точка, в которой уместились бруствер, пулемёт над ним и две то пропадающие, то появляющиеся каски. Те, кто напротив, хотят убить меня, мне надо убить их, чтобы жить. Я падаю, надо мной злой мелодией флейты проносятся со свистом пули. Сверху приближается шелест, и взрыв. Ещё шелест, взрыв. Это миномёты. Встать нет сил, ползу. Вперёд стараюсь не смотреть, так как кажется – если подниму глаза, они почувствуют; а так, как в детстве, когда ладошками закрываешь глаза и думаешь, что тебя никто не видит. Мне помогла ложбинка, и я

оказался совсем рядом с пулемётным расчётом. Дрожащей рукой, вжавшись в землю, стараясь не выдать себя лишним движением, достал из подсумка гранату, рванул чеку и бросил. Через три секунды рвануло. На поле раздалось «Ура», бойцы заскакивали в окопы. Пьяный от страха и адреналина, я прыгнул туда, откуда ещё несколько мгновений назад вылетала пулемётной очередью смерть. Один фашист не двигался, а другой наводил на меня автомат. С налёта проткнул его штыком, потом ещё и ещё! Чтобы точно убить! Бег по траншее – кто попадался, штыком насквозь. Патронов в винтовке не осталось, расстрелял по дороге, а перезарядить не мог, для этого надо остановиться хотя бы на полминуты, стряхнуть с себя темп атаки, но я находился в состоянии сна, которое меня защищало, выйти из него в реальность – невозможно и страшно.

В этом бою я был ранен, легко, в ногу. Когда и как это произошло, не помнил, да и рану не чувствовал, просто после боя опустил вниз глаза и увидел штанину, чёрную от крови. Уже потом, когда стали возвращаться чувства, пришла боль. В медсанбате провалялся недели три и вернулся в родной полк.

Потом было много наступлений и операций. Мы участвовали в Режицко-Двинской, Мадонской, Рижской и других наступательных операциях. Через полгода я получил свою первую награду.

Война учила смотреть на жизнь по-другому, ценить её,

жаждать её в своих мечтах и грёзах. Но одновременно я был готов умереть. Без этой готовности и, даже более того, уверенности можно было сойти с ума. Я попрощался с жизнью и был готов к смерти в любой момент, не желая, но принимая. Это помогло не бояться, до разумных пределов, естественно.

Мать писала часто, я реже. В деревне всё было по-старому, только совсем не осталось мужиков. Регулярно она отправляла мне посылки, в которых лежали, то тёплые носки, то махорка, а то и кусок сала. В январе сорок пятого она написала, что к ней приехала её сестра, которая осталась совсем одна. У неё убили мужа, а детей у них не было. Её приезд был кстати, вдвоём им будет легче.

Конец войны я встретил в Восточной Пруссии. Когда пронеслась весть о капитуляции, нашему ликованию не было предела. За всю свою жизнь я не припомню дня, когда радовался больше, чем тогда. Помню эту радость в тот солнечный майский день. Весть пришла неожиданно. Кто-то из товарищей громко крикнул: *«Друзья, война окончилась! Наша Красная Армия победила фашистских захватчиков! Ура!»* Мы от радости плакали, обнимались, смеялись. Наверное, такого дня не имели поколения предшествующие и уж точно не пережили последующие.

Демобилизовался я только в 1946 году. До Скопина доехал поездом, а оттуда до села – пешком: хотелось впитать родной запах, вдоволь наглядеться на родные места. Дома была только тётка, мать работала. Увидев меня, выронила

тряпку из рук и после паузы бросилась на шею. Через какое-то время прибежала мать, за которой послали. Я выбежал ей навстречу, когда она подбегала к крыльцу. Вдруг, увидев меня, она от неожиданности встала как вкопанная, а затем медленно опустилась на колени, так и пошла ко мне. Я тоже упал на колени, мы обнялись и долго стояли в таком положении, не произнеся ни слова.

Звали работать в родной колхоз, мужиков категорически не хватало, но я решил устраиваться в Рязани. Там на железобетонном заводе меня уже ждал мой сослуживец, заранее позаботившийся о жилье для меня, мамы и тётки. Это была небольшая комната в коммунальной квартире, удобства в коридоре.

Двумя годами позже, возвращаясь с работы домой, не доходя квартала три, я обратил внимание на девушку, в туфельках пытавшуюся перепрыгнуть большую лужу. Подойдя сзади, молча подхватил её на руки и, не слушая возражений, перенёс на сухое место. Вместо благодарности получил пощечину и разрешение проводить до дома. Оказалось, она жила в моём доме, в том же подъезде, только на два этажа выше. Как мы не встретились раньше, уму непостижимо. Девушку звали Катя, через полгода она стала моей женой. А в пятьдесят первом году у нас родилась дочь.

После рождения ребёнка нам дали новую квартиру. Целых две комнаты! Своя кухня, туалет и ванная комната! Мы были и героями соцтруда, и мультимиллионерами в одном

лице – в свалившееся счастье не верилось! Я к тому времени стал заместителем начальника цеха, а Катя работала инженером в конструкторском бюро на Рязанском приборном заводе.

На новоселье пришли друзья и родственники. Пировали, пели и плясали до полуночи. Вспоминали войну, грезили новым миром. С гордостью делились впечатлениями о последних достижениях страны – о восстановленных в кратчайшие сроки городах, почти полностью разрушенных войной, о новых заводах, об освоении севера и многом другом. Тогда всё это было для нас важным и принималось близко к сердцу.

Когда все разошлись, мы с Катей ещё долго стояли у кровати маленькой Насти. Нам не нужно было слов, мы молча отдавали ей всю нашу любовь без остатка. Перед нами лежала маленькая жизнь, продолжение нашей, та, которая должна была стать самой счастливой и красивой.

Вскоре у Насти появился братик – Николай. Забот стало больше, но счастье переполняло нас. Верёвки в ванной и на кухне никогда не пустовали, на них всегда висели пелёнки и распашонки. Правда, Коля часто болел, и однажды ночью я был разбужен криком Кати: *«Коля не дышит!»* Вскочив с кровати, я склонился над ним и слушал, не зная, что предпринять. *«Только не умирай!»* – билась мысль. А может, это была молитва? Он дышал, но почти неслышно, чуть-чуть, уже уходя. Жена побежала к соседу снизу, он был врачом, а я стоял на коленях над маленьким тельцем и, не чувствуя

слёз, просил: *«Ну, пожалуйста, не оставляй нас! Мы такая счастливая семья! Ты подрастёшь, и мы пойдём с тобой в зоопарк, там много интересных зверей, тебе будет интересно. Мы никогда не будем тебя ругать! Мой хороший, прости нас! Не оставляй нас! Мы стараемся быть хорошими родителями! Только не умирай!»*... Его спасли. И через три года мы вчетвером пошли в зоопарк. Дети веселились, бегали от клетки к клетке, Катя еле успевала за ними. А у меня щипало глаза, и от мысли, что они есть у меня, стало горячо в груди и радостно!

Дети подросли незаметно, и вот Настя выпорхнула из родительского дома, выйдя замуж. Вскоре мы с Катей стали бабушкой и дедушкой. А через несколько лет, отслужив в армии и отучившись в институте, женился Коля. Свою квартиру разменяли на две однушки, в одну переехали мы, в другую – Коля с женой, Настя с мужем жили в хорошей квартире с его родителями.

Вдвоём было одиноко, уже чувствовался возраст, но привыкли. Немного удавалось откладывать – предупредил Катю, что это ей, после моей смерти. Я был немного старше, и как-то само собой считалось, что я буду первым. Но однажды, в воскресенье, Катя почувствовала себя плохо. Выпив таблетки, прилегла и больше не проснулась. Эти дни я почти не помню, сплошной туман, лишь вязкие воспоминания о том, как искал документы, безуспешно просил детей похоронить Катю на кладбище в моём селе (мы так с ней хотели –

лечь рядом, вдали от суеты). И сами похороны почти не запомнились, в память только врезалось, как целовал её лоб и близко-близко видел седые волосы. Это был последний день в моей жизни, который достоин воспоминаний.

Ко мне приходят и дети, и внуки. Ожидая их, я представляю, как мы садимся за стол, они начинают расспрашивать меня про мою жизнь, а я расскажу им, как всё было. Как меня растили родители, как дед учил жизни, как ярко всё было в молодые годы. Как сжалось время, и всё доступное человеку пронеслось за несколько лет войны. После её окончания мне долгое время казалось, что никогда уже не смогу чувствовать и жить как все нормальные люди, после той концентрации любви и ненависти, что на нас обрушилась тогда. Хотя тогда вся страна была «ненормальной», пережившей страшное... Но мы садимся за стол, а слова не идут из груди, так как сказать их некому или незачем. Не потому что плохие, а потому что не поймут того, что кроется за словами, увидят только фасад и не прочувствуют глубину...

Каждый год, за месяц до дня победы, я становлюсь беспокойным, начинаю заново переживать войну, мыслями погружаясь в те дни. И девятого мая я не иду гулять и не зову гостей, а сажусь за стол и представляю рядом тех, кто погиб, освобождая Прибалтику, тех, кто умер потом, и, конечно же, Катю. Мы сидим и пьём чай. Товарищи рассказывают мне о себе, мы с Катей хвалимся своей семьёй, детьми и внуками. Кто-то рассказывает смешное, из военных будней, и ком-

ната взрывается дружным смехом. Потом грустим, вспоминая, как от прямого попадания погибли комбат и молоденькая медсестричка, которая тащила его в тыл.

Нам хорошо и уютно, мы все давно знакомы, только некоторым из гостей так и не исполнилось двадцать...

Озеро

На земле живут миллионы, миллиарды животных, птиц, рыб и насекомых. Все они чем-то заняты: кто-то ищет еду, кто-то обустроивает жилище, воспитывает детёнышей. Жизнь каждого вида настолько разнообразна, что описывать особенности каждого не хватит ни сил, ни знаний. Возьмём, к примеру, муравьёв. Их жизнь полна событий: рождение, первый выход из муравейника, первая опасность, тяжёлый труд, благосклонность королевы. Можно написать целую книгу о муравьях-воинах, о тружениках, о непростом устройстве их жизни. Конечно, на взгляд человека, их жизнь коротка, скромна на события и неинтересна. То ли дело бытие человеческое! Сколько всего произошло и сделано за тысячелетия существования человека разумного! Создавались и разрушались города, страны и империи. Поэты сочиняли оды царям и полководцам. Учёные постигали тайны мироздания и руководили постройкой пирамид и дворцов. Что может сравниться с человеческой жизнью?

Однако и жизнь человеческая некоторым кажется мгновенной и непонятной. Да, да! Равнодушные горы, чей возраст насчитывает миллионы лет, видели много людей. Вначале они, лохматые и грязные, селились на их склонах, прячась по ночам в пещерах. Потом они научились строить себе жильё и обрабатывать поля в долинах. Люди учились, число

их множилось, и вот настало время, когда они приехали в горы на железных машинах и стали зарываться в их нутро, вытаскивая руду и оставляя после себя пустые коридоры. Горы молчали и не обращали внимания. Что для них какие-то жалкие столетия или даже тысячелетия? Пустяк, секунда. И это пройдёт...

* * *

На этой окраине земли горы были самыми старейшими обитателями. Их склоны поросли лесом, но он, по сравнению с ними, был младенцем, и они безропотно терпели его корни, разрушающие их склоны. Правда, иногда, когда плохое настроение или начинало зудеть от особо настырных деревьев, тянущихся корнями в глубину, горы встряхивали с вершины лавину или грязевой сель, и тот сметал надоедливый лес со склона.

А у подножия гор лежало озеро. Оно было моложе их, но гораздо старше чахлах деревьев, облотивших его берега, поэтому надменные гранитные скалы считались с ним и даже разговаривали, когда у них было для этого настроение.

Всё на земле обладает памятью: и камни, и деревья, и вода. У камней память долгая, но помнят они, как правило, своё – как в подземном пламени столкнулись две исполинские плиты и, не желая уступить, схватились в чудовищной схватке и полезли вверх, раздвигая пласты земли. Ничто жи-

вое не в силах было пережить эту битву. Небо закрыло тоннами горячего пепла, а из-под земли вырывались фонтаны и реки раскалённых добела камня и железа, на опалённые останки живого с неба падали целые скалы. Прекрасно помнили горы и землетрясения – единственно стоящие, на их взгляд, события. Другое их не интересует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.